

Рудольф Штейнер

Из GA 174

Исторические рассмотрения. Карма лжи. Часть II

ЛЕКЦИЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Дорнах, 13 января 1917

История и карма. Историк Генрих фон Трейчке, его глухота, и его положительный демонизм. Понятие государства. Государство и власть. Ницше и Трейчке. Нота Антанты Вильсону.

Перевод А.Демидов

Именно в наше время мне кажется необходимым, чтобы члены нашего движения знали кое-что об отношениях в мире. Именно этому должны более или менее служить те рассмотрения, которые мы проводим здесь. Когда мы в нашем смысле говорим о духовной науке, то дело обстоит так, что мы должны проникнуться познанием того, как наш мир, который мы рассматриваем посредством физического рассудка и органов чувств, является откровением духовного мира. Пока духовный мир понимают только абстрактно, разделяют человека на составные части его существа, проводят всевозможные теоретические рассмотрения о карме и реинкранации, - чего мы, в сущности, никогда не делаем на уровне теории, - духовная наука не сможет стать действительно плодотворной для людей. Поэтому я самыми разными способами направлял ваш взгляд на внешнюю действительность, всегда имея при этом перед глазами то, что стоит за этой внешней действительностью, будь это непосредственные оккультные факторы, оккультные импульсы, будь это оккультные импульсы, исходящие от людей, использующих их в том или ином отношении.

Для того, кто немного прозревает современные отношения, в будущем, при взгляде назад на наше время, будет всё яснее, что все старые формы исторических рассмотрений, господствующие сегодня, недостаточны для того, чтобы понять происходящее в современности. Вследствие этих отношений некоторые оккультные учения будут по необходимости давать зрелое познание о человеке, а те, кто будет игнорировать эти вещи, будут в будущем носить штемпель невежества и незнания.

Уже с 19 столетия для отношений, имевших место в прошлом, сложилась традиция чисто материалистически, на основе актов, так сказать, конструировать историю. Сегодня ещё не видят, что таким путём не приходят к действительному раскрытию исторических импульсов, а только лишь к описанию материалистических призраков - пусть это звучит парадоксально, но это так: к описанию материалистических призраков. То, что сегодня фигурирует в обще употребляемых справочниках и прочих сочинениях как история, фигурирует как изображения людей и отношений в прошлом вплоть до современности, является - при реалистичном рассмотрении, - призраком без действительной жизни. Оно и может быть только призраком по той причине, поскольку в основе всей действительности лежат оккультные импульсы, и если их игнорируют, получают всего лишь призрак. Поэтому отображение истории до сегодняшнего дня носило призрачный характер, но оно в некотором отношении наполняло души людей; оно в некотором отношении действовало. Трагедия нынешнего времени во многих отношениях представляет собой изживание кармы на фоне таких неправдивых, призрачных представлений, которые постепенно усваивались людьми. В рамках нашего движения мировой ход не может быть расколот на две разобщённые половины, а именно это охотно делают некоторые в нашем движении. С одной стороны они сибаритствуют в так называемых сверхчувственных представлениях, которые остаются более или менее на уровне абстрактных понятий, а с другой стороны на долгое время застревают в обычных воззрениях, которые они развивают о внешней действительности с помощью вульгарного рассудка, целиком и полностью опьянённого материализмом. Обе эти вещи - внешняя физическая действительность и духовное бытие должны быть связаны, то есть надо видеть, что на место прежнего рассмотрения истории, должно вступить то, что я назвал симптоматической историей, благодаря которой будут изучать то, что историческое становление проявляется в некоторых феноменах сильнее, чем в других.

В последнее время я пояснял вам многое, возможно, слишком реалистически, однако, чересчур реалистически лишь по отношению к чувству, которое спрашивает: зачем он описывает нам вещи, о которых мы и так слышали? Взглянув поточнее, вы будете убеждены, что в том виде, как я вам их описывал, вы о них услышать не могли. А именно не могли услышать в том виде сопоставления, рассмотрения симптомов, в котором различные характерные подробности соединялись в живой охват действительности. Ближайший вопрос: так как же вообще осуществляются такие симптомы, о которых я сообщал вам? Вот в это мне хотелось бы немного углубиться.

В ходе времени я сообщил вам целый ряд фактов, отчасти таких, которые некоторые люди назвали бы ничтожно малыми фактами, как об уроженце Герцоговинской Воеводины *Войдаревиче*, или то, что я приводил вам о русско-славянском добровольческом комитете и так далее. Такие вещи в одной стороны могут легко рассматриваться как незначительные, но, с другой стороны можно было бы сказать: как мы вообще соединяем такие вещи? Как происходит то, что среди нас уделяется место историческому рассмотрению, в котором пытаются обобщить в единую картину далеко отстоящие друг от друга подробности? - Более вульгарным был бы вопрос, если бы кто-то

поставил его мне, и который мог бы звучать так: как вы приходите к тому, чтобы распознавать и собирать в жизни именно такие вещи, которые надо расценивать как характерные для современных событий? - На это я мог бы дать ответ, который живо должен был бы показать бы вам, как духовная наука может вмешиваться в жизнь.

В ходе своей жизни человек достигает познания о таких вещах, если карма приносит их с собой, и если он допускает поистине прямой, правдивый бег кармы. Хотя кое-кто считает, что он предоставляет карме свободный ход, что он некоторым образом отдаётся карме; но это может быть большим заблуждением. Никто не может исследовать внешние события так, чтобы получить истину, если он по-настоящему не передаётся карме, если он не пропустит многого вниз, в подсознание, многому позволит проскользнуть мимо своей души, ибо вследствие всяких симпатий и антипатий свободное созерцание помрачается. Ничто не омрачает свободное созерцание в большей степени, нежели то, что сегодня называют историческим методом. Из-за этого исторического метода являются призраки, поскольку нынешний историк не может отдаться своей карме. Само собой разумеется, если бы он в ранней юности отдался своей карме, он проваливался бы на каждом экзамене, это совершенно ясно. Он не смеет отдаться своей карме и знать то, к чему приводит его карма, нет, он должен знать то, что ему предписывает экзаменационный распорядок, и так далее. А он предписывает исключительно те вещи, которые, само собой разумеется, рвут карму человека на куски, так что тот, кто просто плывёт по течению, которое ему предписывает, никогда не придёт к настоящей истине. К настоящей истине можно придти только тогда, если те вещи, которые обсуждаются в духовной науке, человек воспримет с жизненной серьёзностью, если он примет их не просто как теорию, но со всей жизненной серьёзностью. Конечно, он не сможет принять их с жизненной серьёзностью, если он позволит помрачить свой свободный взгляд всяким симпатиям и антипатиям. Надо более или менее объективно противостоять им, и тогда мировой поток принесёт человеку то, что необходимо для понимания. Частично к такой самоотдаче карме в отношении событий нашего времени можно отнести и тот факт, что вы, мои дорогие друзья, благодаря своей карме были приведены в Антропософское Общество. Поэтому в Антропософском Обществе может стать возможным говорить о фактах без симпатий и антипатий; иначе даже внутри этого Общества нельзя было бы принимать карму жизненно серьёзно. Такое введение я хотел предпослать рассмотрению, которое мы хотим провести, предпослать по той причине, поскольку хочу указать вам на некоторые важные оккультные факты, которые мы не могли бы понять, не зная, как соединить их с жизнью, не сумев пробиться через обильную, сумбурную чащобу неправдивости, которая сегодня кружится по миру. Мир сегодня наполнен неправдивостью, и мы должны заботиться о чувстве истины в Антропософском Обществе, если в существовании этого последнего - независимо от того, как долго оно сможет просуществовать при нынешних условиях, - должен быть смысл, настоящий жизненный смысл.

Я, можно сказать, докучал вам самыми разными сообщениями, сделанными в последнее время, не только потому, что хотел то или иное представить вам в том или ином свете, но потому, что я проникся

важностью исправления некоторых понятий. Кто полагает, что я говорю эти вещи из какого-либо национального пафоса, тот меня совсем не понимает.

Среди тех тяжких обвинений, которые всё снова и снова выбрасываются со стороны периферии в сторону Средней Европы, середины, и в которых, как я уже часто говорил, звучит в той или иной форме высказываемая фраза, - высказать её в настоящей форме стесняются: ничего, немец прогорит - слышно также, как цитируют человека, известного в широких кругах в качестве губителя, соблазнителя немецкого народа. Одним из тех, которых цитируют в первую очередь, является немецкий историк Генрих Трейчке. Как сказано, я хочу рассматривать такую индивидуальность не с национальной, но с совершенно общечеловеческой точки зрения. Я упоминал вам, что я общался с Трейчке немного, я лишь однажды встретился с ним; в нём было нечто гремучее, как я тогда отметил. Сегодня я хочу сказать только то, что благодаря той встрече с Трейчке я смог составить себе представление относительно его существа и характера, потому что он говорил, конечно, не только то, что я приводил, как первые слова при знакомстве, но о понимании истории, об исторических публикациях, а они именно тогда, в девятнадцатом веке вызывали много сенсаций. Званный обед длился несколько часов, в течение которых удалось обсудить многие принципиальные вопросы об истории как науке, удалось познакомиться с человеком, который был на грани своей жизни, - вскоре после этого он умер, - кроме того, что мне были во всех своих нюансах известны его дела как историка.

Прежде всего, мне хотелось бы указать на то, что Трейчке был человеком дававшим повод к тому, чтобы немного рассматривать его с оккультной точки зрения. В том хорошем смысле как Сократ говорил о, своего рода демонизме, о своём демоне, в случае Трейчке тоже можно было сказать, что в нём обитал некий демонизм, не злой демон, но нечто демоническое. В его отношении не возникало чувства, что он движим только суждениями материалистического рассудка, но что он движим извне тем, что Сократ называл демоническими силами. Ими, я мог бы сказать, он был руководим в течение всей жизни. Саксонцы являются одухотворёнными запевалами становящегося немецкого государства; чему Трейчке оказал значительное содействие, когда это немецкое государство ещё не было основано. Свою «Немецкую историю», во всяком случае, он написал только после основания этого государства. В нём жило весьма характерным образом, как это бывает в Средней Европе в отличие от её окружения, - где этого не только не желают, но не хотят, ни знать, ни понимать, - в нём жило, если можно так выразиться, - чувство конкретности, чувство истины. В нём жила некоторая антипатия против чисто абстрактных теорий, в отношении всякой фразеологии, причём выражалась с демонической силой, так что, можно сказать, через его личность можно было смотреть на духовную силу, которая говорила из него. Кроме того Трейчке довольно рано в жизни стал совершенно глухим, так что он не слышал ни голоса другого, ни своего собственного голоса, он общался лишь со своим собственным внутренним миром. Такая жизненная судьба отсылала человека к самому себе. Полное отсутствие слуха гораздо легче, чем в случае отсутствия другого органа чувств позволяет человеку, имеющему соответствующие задатки, вступить в связь с реальными

окультурными силами, на которые не обращают внимания лишь потому, что его органы чувств отдаляют его от того, что помимо органов чувств говорит его душе. Такая карма, - рано стать полностью глухим, - имеет известное значение и связана с тем, что я в данном случае называю демонической природой.

Эта природа, это человеческое существо в противоположность многим, даже большинству людей нашего времени была сформирована как бы из некоего единства, некой цельности. В нём никогда не действовал только чистый рассудок, но, в сущности, всегда действовала вся душа. Доморощенных истин, на которые в любое время указывают в так называемых «логических доказательствах», мы имеем в мире достаточно; однако истины, проникающие в кровь человека, проникнуты тёплым человеческим чувством, которое хорошо заметно, стоит ли человек на той же самой или иной точке зрения. Ибо человек является каналом, посредством которого чувственный мир связан с духовным миром; к духовному миру приходят не только посредством изучения духовнонаучных теорий, но посредством усвоения чувства того, как отдельный человек представляет собой канал между чувственным миром и духовным миром.

Прежде всего, Генрих Трейчке был такой личностью, которая пыталась приобрести эрудицию и строить свои мысли на основе широких познаний, познаний, которые возводились не с помощью рассудочных суждений, а на неких душевно-критических суждениях. Суждения всегда были горячи, вследствие этой душевной критики. Они всегда содержали в себе нечто шумное, крикливое, но они были теплы от этой душевной критики. И с этой точки зрения для Трейчке в центр его рассматриваний всегда ставился вопрос о человеческой свободе, которая для него, поскольку он был историком и рано подготовил себя, чтобы стать историком своего народа, был связан с вопросом о политической свободе, государственной свободе.

В немецкой литературе есть одно сочинение - вы могли бы с легкостью раздобыть его, поскольку оно появилось в рекламной универсальной Библиотеке, - которое весьма проникновенно разбирает вопрос о соотношении между всесилием государства и человеческой свободой. Итак, речь не просто о свободе, исходящей из внутреннего мира человеческой души, но о той свободе, которая реализуется в социальной жизни. Мне неизвестно другого произведения в мировой литературе, которое разбирало бы этот вопрос таким же проникновенным образом. Это произведение называется «Идеи, касающиеся попытки определить границы активности государства» *Вильгельма фон Гумбольдта*, друга Шиллера и брата писателя *Александра фон Гумбольдта*. В этом сочинении, написанном на стыке 18 и 19 столетий, весьма прекрасным образом берется под защиту человеческая личность в её полном, гуманном, свободном раскрытии, берется под защиту от всесилы государства. Указывается на то, что государство вообще не смеет вмешиваться в сферу человеческого существа, кроме как для того, чтобы своим вмешательством устранить препятствия для свободного раскрытия личности. Произведение возникло на той же основе, на которой Шиллером были созданы прекрасные письма «Об эстетическом воспитании человека». Они были созданы в то время, когда, исходя из духовной жизни, пытались соединить все мысли, которые могли правильным образом поставить

человека на почву свободы. Этим сочинением по известным причинам в 19 веке не очень-то много пользовались: но оно всё снова изучалось теми, кто в течение 19 века хотел уяснить себе внешнюю сторону понятия свободы. Конечно, 19 век был тем временем, в которое понятие свободы было во многих отношениях погребено; но люди, всё же, хотели снова ориентироваться на понятие свободы, и именно с этой точки зрения труд Вильгельма фон Гумбольдта «Идеи, касающиеся попытки определить границы активности государства» получили некоторое международное значение в Европе. От этого труда исходили и француз *Лабулье* и англичанин *Джон Стюарт Милль*; для них обоих труд Вильгельма фон Гумбольдта был важным исходным пунктом. Они со своей стороны, каждый в своей области пытались ориентироваться на понятие свободы. Лабулье находил, что учреждения его страны в смысле отношений между государством и индивидуумом способны похоронить под понятием государства всякую действительную свободу, то есть любое действительное раскрытие личности. Джон Стюарт Милль, исходя из Вильгельма фон Гумбольдта, после того, как он его открыл, в своём сочинении о свободе проникновенно сообщает, как английское общество способно подорвать настоящее переживание свободы. Именно сочинение Джона Стюарта Милля - у Лабулье это государство, а у Милля общество, - посвящено вопросу: как может человек придти к раскрытию личности ввиду несвободы, построенной обществом?

Трейчке, снова душевно-критическим способом, о котором я только что говорил, примыкает к Лабулье и Джону Стюарту Миллю; его труд о свободе опубликован в начале шестидесятых годов. Сочинение Трейчке представляет собой особый, исключительный интерес потому, что он живёт в раздвоенности, будучи историком и политиком. Эта раздвоенность вносится в душу человека, когда эта душа с одной стороны признаёт необходимость такого социального образования, которое называют государством, а с другой стороны, воодушевляется в отношении того, что называют человеческой свободой. Итак, именно Трейчке, с Лабулье и Джоном Стюартом Миллем в шестидесятые годы (19в.) пытается изложить вопрос в отношении понятия свободы. В этом сочинении «Свобода» он пытается выработать понятие государства, которое не упраздняет необходимость, заложенную в государственном образовании, и всё же, с другой стороны подходит к тому, что государство могло бы быть не могильщиком, а побудителем и опекуном свободы. Вот такое понятие о государстве представляется Трейчке. Было время, когда на вопрос: где твоя малая родина? - от немцев можно было получить ответ: Шварцбург-Зондерхаус, - или Рейс-Шлейц младшей линии. В начале шестидесятых годов ещё не было того, что можно называть немецким государством. В то время, когда большое число людей думало о, своего рода, слиянии различных индивидуальных образований, в которых жили немцы, Трейчке уже думал о необходимости образования государства. Но для него было, я бы сказал, аксиомой, что не должно возникать государство, которое не гарантирует человеческой личности по возможности большего свободного развития. И если нельзя сказать, что Трейчке пришёл к совершенно сформированным философским понятиям, то по отношению к точке зрения Трейчке в его труде о свободе сказано многое, очень достойное сердечного внимания.

Если воздают по достоинству Трейчке и хотят рассмотреть то, что важно для оккультиста, не следует упускать из вида, что Трейчке был бесстрашной личностью, которая не хотела служить никаким другим богам, как только истине. Это прямо-таки вершина глупости, когда сегодня со всех сторон слышны суждения о Трейчке, основанные на понятиях, не имеющих ничего общего с предметом. Ибо понятия, которые теперь распространяются по миру, по большей части не в состоянии даже хотя бы отдалённо достичь какой-либо точки зрения, по той простой причине, поскольку отсутствует то, на что я указывал недавно, когда говорил, что если бы отчасти допускали даваемую в духовной науке дифференциацию Народных Духов, никогда не стали бы говорить таких глупостей. Я имею в виду различные глупости, идущие частью от Ромена Ролланда, частично высказанные о нём. Я должен был сказать об этом, поскольку проникновенное рассмотрение того, что можно назвать Народным Духом, возможно сегодня лишь в рамках духовной науки. Кто не желает иметь дело с этим, сможет придти только к таким совершенно субъективным и поэтому глупым суждениям, как Ромен Ролланд.

Если же человек допускает то, что следует из духовнонаучного рассмотрения Народных Духов, тогда ему должно стать ясно, что у каждого типичного для своего народа человека, - а таким являлся Трейчке именно благодаря тому, что был демонической натурой, - выступают также известные типичные народные признаки. Это тоже имело место в случае Трейчке, и действительно можно сказать: если понимают Трейчке, понимают тем самым многое в немецком начале второй половины 19 столетия, не всё, но многое. Если имеют возможность достигать точки зрения, исходя из оккультизма, то надо - не в случае космополитических, но в случае национальных натур, - подойти к той основной разнице, которая существует между западноевропейскими и среднеевропейскими суждениями. Заметно, что такие вещи можно не учитывать по отношению к общечеловеческому, но с ними надо считаться, если в мыслителе живёт демоническое начало народа. (Daemonisch-Volkhafte). Только с такими ограничениями я говорю то, что я должен сказать. Если на это народное начало (Volkstuemluche) смотреть так, как оно действует через человека, тогда имеет цену мнение одного американца, когда он сказал, - может быть лучше, если сейчас я буду использовать не мои слова, но слова того американца, поскольку для меня эти слова могли бы быть неуместными: французское суждение, особенно если оно носит народный характер - итак, не суждение отдельного француза, которое может быть космополитическим, но суждение, происходящее из народной субстанции, из народа, - итак; французское суждение живёт в слове; английское суждение живёт в политически-практичном понятии; немецкое суждение живёт в непатриотическом, не национальном поиске познания. - Так говорит один американец, который путешествовал по Европе. Однако отсюда следует, что известные суждения, составленные на Западе, рассматривают немецкую народную субстанцию иначе, чем она проявляется на Западе. На Западе она имеет абстрактный характер. Немец, именно как немец склонен составлять суждение в его конкретности и вследствие этого называет своим собственным именем многое из того, что на Западе, в сущности, никогда собственным именем не называют. Возьмём

понятие, к которому мы подошли по ходу наших рассматриваний: понятие государства.

Трейчке в своих лекциях о «Политике», которые были напечатаны, говорил о государстве. О государстве, конечно, говорили очень многие люди; но теперь мы рассматриваем высказывания о государстве лишь постольку, поскольку они реализуются в рамках национальной, народной субстанции. На Западе о государстве охотнее говорят так, что это слово привязывают ко всевозможным понятиям, которые человек по какой-либо причине хочет связать с понятием государства. Так государству привешивают понятия свободы, права и всевозможные иные, и где только возможно удивительным образом размахивают фразами: государство должно быть лишено понятия власти, государство должно быть только правовым государством. – Это можно говорить до тех пор, пока не рассмотреть понятие государства реально. Но если человек подходит к понятию государства как Трейчке, то он приходит к тайне государства. Тогда он не требует, чтобы государство основывалось на положении: власть идёт впереди права, – утверждение, которое клеветнически приписывается Трейчке; нет, тогда исходят из того, что понятие государства вообще немыслимо без понятия власти. Это простая правда, потому что нет никакой возможности основать государство, как только основать его на власти. И если с этим кто-то не согласен, то он не представляет истины. Так что для Трейчке было необходимо говорить о государстве в связи с властью. Можно рассматривать как извращение, когда говорят, что Трейчке будто бы утверждал, что в немецком понимании государства власть предшествует праву. Но нет и речи о том, чтобы это пришло в голову Трейчке, но он в более сильной степени нес в душе смысл изложенного Гумбольдтом в его труде: «Идеи, касающиеся попытки определить границы активности государства». Поскольку государство должно развивать власть именно как необходимость, оно не должно быть всемогущим. Нельзя говорить о правовом государстве, поскольку это звучит как, – если и не деревянное железо, то, по меньшей мере, медное железо. Оба понятия являются, как говорят в логике, диспаратными, несовместимыми; им нечего делать друг с другом. Но к этому приходит только тот, кто принимает эти вещи серьёзно.

С этой же точки зрения Ницше пришёл к своему понятию о «Воле к власти». Это опять-таки грандиозная клевета, когда Ницше вменяют в вину, что будто бы он был представителем «Принципа власти». Он не представлял ничего иного, как только: необходимость наблюдать, насколько в действительности среди импульсов человека живёт власть. – Характерно то, что Ницше с этой точки зрения приходит к следующему. Он говорит: Есть люди, которые из аскетических положений выдвигают тезис, что с властью надо бороться. Почему они это делают? Потому что они вследствие своих особых свойств достигают некоторой власти, чтобы она боролась с властью! Это всего лишь их особая воля к власти – особо подчёркивать безвластие! Ибо это даёт им – именно на их манер – особую власть, аскетически подчёркивать безвластие. – То, что лежит в основе у Ницше, имеется и в рассмотрении у Трейчке, то есть: не обманывать себя, что X – это Y, говорить о вещах правдиво, а не бросаться фразами.

Однако это показывает вам, что ни Трейчке, ни Ницше не пришли к тому, чтобы внести в социальную жизнь какой-либо иной принцип,

как только принцип власти; они пришли только к тому, чтобы показать, как всюду, где есть государство, живёт власть, и что если хочешь говорить правду, нельзя высказать ничего иного, кроме этого. Я мог бы сказать, что у Трейчке действовала карма: дело в том, что абсурдно создавать себе чисто абстрактные, пустые понятия и выпускать их в мир. Он хотел охватить непосредственную действительность, в этом привлекательность его трудов. С этой точки зрения рассматривал он и понятие свободы, он говорил: вопрос, существует ли государство для того, чтобы требовать свободы, или не требовать свободы - вообще не вопрос. - Итак, он исходил из того, чтобы искать вещи там, где они живут в своей реальности. Я не хочу защищать это, но сегодня лишь характеризовать; поистине может быть бесстрашным человеком тот, кто хотел высказывать эти вещи так, как они давались ему благодаря его чувству истины, не будучи препарированы для агитации. Об этом препарировании для агитации сегодня заботятся повсюду. - Трейчке является бесстрашным мыслителем, который действительно исходил из того, чтобы всегда, при любых обстоятельствах, говорить без обиняков. Было бы разумнее - это я должен сказать ещё раз, - если бы указывали на то, что Трейчке становился своего рода воспитателем тех, кто хотел его слушать. Их было не так много, как хотели бы считать сегодня. Ибо если Трейчке говорил о свободе, то он делал это в гораздо меньшей степени, как критик других народов, но скорее, как воспитатель своего собственного народа. Я хотел бы сообщить вам одно место из его сочинения «Свобода», с которым надо ознакомиться точно так же, как с некоторыми вырванными из контекста вещами, которые совсем непонятны, только потому, что вырваны из контекста. Трейчке пишет так после того, как он сначала рассматривал вопрос о том, благодаря каким общественным делам требуется свобода:

«В то время», - итак, в начале шестидесятых годов, - «всегда было принято особенно говорить о сословных предрассудках. В самом деле, удручающая мысль, что этот великий культурный народ» - он имеет в виду немцев, - «ещё знаком с варварским понятием мезальянса, которое древние выкинули за борт ещё в начале своей культурной жизни. Конечно, о том грубом юнкерстве, которое карьеру на конюшне считает более достойной, чем научную профессию, а право кулака благороднее, чем смысл закона для свободного бюргера, - о нём мы не говорим: эта карикатура на дворянство получила по заслугам. Но также и пестрая масса так называемых образованных, состоятельных сословий заботливо лелеет множество несвободных, нетерпимых сословных понятий. Какая немилосердная жестокость суждений о позорном состоянии так называемых опасных классов! Какое бессердечное осуждение «расточительности» низших сословий, в то время как свободный и достойный человек должен был бы радоваться тому, что даже бедный начинает получать что-то для себя самого и поддержания своего приличного состояния! Какой всеобщий страх при любом пробуждении недовольства и чувства «я» у простого народа! Немецкая сердечность охранила нас от того, чтобы этот образ мыслей образованных людей и у нас принял такие же грубые формы, как у жестких британцев; однако пока эти аристократические наклонности, от которых не свободен ни один рафинированный ум, выступают в

такой форме, дело с нашей внутренней свободой обстоит очень печально.

Мы полностью оказываемся в области, где буйно разрастается несвобода и нетерпимость, если зададим вопрос о сословных понятиях наиболее сильному и закрытому «сословию» - пусть мы даже назовём эту природную аристократию иначе - к мужскому полу, мужчинам. Среди нас, господ земного круга, существует невероятно широко разветвлённый тихий, тайный сговор категорически отказывать женщинам хоть в некоторой части гармоничного человеческого образования. Ибо часть своего образования женщины получают лишь благодаря нам. Среди нас, однако считается само собой разумеющимся, что религиозное просвещение является долгом образованного мужчины, тогда как для черни и женщин оно было бы вредно; сколь многие находят женщину особо «поэтичной», если она выносит на всеобщее обозрение самые нелепые, неуклюжие суеверия. Впрочем, слишком «политизированные дамы» ужасны, об этом ни слова больше. Разве это и есть наша мужская вера в божественную природу свободы? Разве религиозное просвещение остаётся делом исключительно трезвого рассудка, и не является больше потребностью души? И всё же мы полагаем, что сердечное тепло женщины пострадает, если мы позволим ей по-своему радоваться великой духовной работе ближайшей сотни лет? Неужели мы действительно так мало знаем немецких женщин, что считаем, будто бы они когда-нибудь станут «политизированными», когда-нибудь станут ломать себе голову над поземельными налогами и торговыми договорами? Ведь политической беда этого народа обнаруживается с чисто человеческой стороны, которая, возможно глубже, тоньше и искренней будет понята женщинами, нежели нами. Разве не должна эта полнота энтузиазма и любви, перед которой мы так часто остаемся холодными, нищими и бессердечными, расцениваться как беднейшая частица отечества? Разве должен повториться позор французской оккупации, чтобы наши женщины, снова должны были ощущать себя дочерьми великого народа, как, уже с давних пор, ощущают себя их соседки на Востоке и на Западе? Но мы в несвободной сердечной узости всегда умалчиваем перед ними о том, что движет нами в глубине души, мы считаем, что им достаточно говорить о самых ничтожных пустяках; и поскольку мы слишком мало думаем о том, чтобы предоставить им свободу образования, сегодня лишь малое число немецких женщин в состоянии понять тяжесть и серьёзность этого исполненного значения времени».

Вы видите, что Трейчке несёт вещи, которые поистине являются общечеловеческими, однако от него, как от национального Духа, они звучат в качестве требования к своему народу. Если бы одна из наций, которые теперь бранят Трейчке, могла бы иметь в своём распоряжении такого мыслителя, каким был для своего народа Трейчке, вы бы увидели, что такого вознесли бы до небес. Представьте себе только итальянского Трейчке: что бы сказали итальянцы, если бы немцы встретили этого итальянского Трейчке так, как итальянцы и многие другие встречают Трейчке? Однако то, что накладывает штемпель на наше время - и это нечто бесконечно трагичное, - это невежество и расчёт на невежество, незнание. Было бы целиком и полностью невозможным, чтобы такая неправдивость кружила сегодня по миру,

если бы при этом всегда не могли бы рассчитывать на невежество людей. Под невежеством я, конечно, понимаю не то, что возникает по необходимости, поскольку не у всех людей есть время, чтобы узнать обо всём; но то, что было бы необходимо, это хоть немного самосознания. Нельзя судить о некоторых отношениях, если не знают некоторых вещей, а суждения о целых народах, порождённые невежеством, воздействуют наихудшим образом. А сегодня как раз бесконечно многое порождается невежеством. Это, конечно, обусловлено той чёрной магией, которую я уже характеризовал при других обстоятельствах, - сегодня это называют журналистикой; ибо это есть один из видов чёрной магии. Не было неправильным то, что когда появилось искусство книгопечатания со всеми перспективами, которые оно предоставляло, народная легенда ощущала его зачинателей как чёрных магов.

Конечно, вы могли бы сказать: все глупости и путаница антропософски ориентированной духовной науки дополнились ещё и тем, что книгопечатание описывается как чёрная магия. Но ведь я лишь сказал - «один из видов». Я также часто подчёркивал, что было бы неправильно говорить: Ариман, о, не смей подступать ко мне! Люцифер, о, не смей подступать ко мне! Я хочу общаться только с добрыми богами. - Как раз в этом случае вы не могли бы общаться с миром, ибо мир постоянно балансирует между Ариманом и Люцифером. Нельзя общаться с миром, если хотят иметь такой образ мыслей, который особенно часто выступает в нашем кругу. Надо даже в самом малом усвоить для себя правдивость. Это должно стать практическим результатом наших духовнонаучных устремлений - практическим результатом. Вы могли бы почувствовать это уже и сейчас; если человек не будет развивать в себе это стремление к правдивости, он всегда будет подвержен опасности, быть захваченным неправдивостью, живущей в мире, опасностью подпасть суггестии. Поэтому я говорю вновь: дела эти пойдут так, что в будущем будет забыто всё то, что было стремлениями к миру, и человек на периферии будет помнить только то, что было очковтирательством относительно мира; но он будет ощущать это не как очковтирательство, но как нечто вполне справедливое. Всё остальное позабудут. Так будет это происходить. Эти рассматривания должны, по крайней мере, содействовать тому, чтобы существовала возможность, ощутить эти вещи в их правдивости. Ибо сегодня к первейшим потребностям человека, который честно относится к человеческому благу и прогрессу, принадлежит потребность не дать себя одурачить неправдивостью.

Рассмотрим один факт нашего дня, я бы сказал, рассмотрим совсем «без гнева», хотя и не «без науки» (*перифраза латинского выражения sine ira, sine studio, то есть беспристрастно - примеч перев.*); без симпатии и антипатии, положив в основу только факты. Вы все, конечно, читали то, что стало известно как нота Антанты к президенту Вильсону. С известной позиции, по отношению ко всему прежнему, можно было бы рассматривать именно эту ноту, как благоприятный симптом для будущего. Ибо если эти дела будут продвигать так всё дальше и дальше, перегибать палку, тогда снова появится некоторая надежда, надежда на то, что там, где духовным силам бросают вызов, с духовной стороны может придти ответный удар. Именно вследствие этой ноты всё прежнее переполнено с лихвой.

Рассмотрим факты. Примерно здесь находится нынешняя Австро-Венгрия (изображается на рисунке). Примерно здесь Дунай, примерно здесь расположена Вена. Допустим, осуществилось бы то, чего требует нота Антанты. Там сказано, что итальянцы - имеются в виду итальянцы Австрийской Империи - хотят, чтобы их сделали свободными. Чем страдает эта нота, так это та самая внутренняя неправдивость, которая происходит вследствие полнейшего невежества. Поэтому трудно сделать рисунок, который я хочу сейчас сделать. При этом, как вы только что видели, возникают трудности. Но допустим, что итальянцы Австрийской Империи будут освобождены. Ну, и югославы, южные славяне тоже должны быть освобождены. Это, конечно, трудно, ибо освобождение югославов стало бы примерно таким; ибо они тут повсюду.

Теперь говорится нечто комичное; освобождение Чехо-Словакии. Известны чехи, известны словаки - но о чехословаках, известно, вероятно, только Антанте. Итак, чехи и словаки обречены быть вместе. В соответствии с понятиями, которые господствуют среди самих чехов, освобождение выглядело бы так. Затем освобождение Румынии. Получилось бы вот что. Затем должны быть освобождены, как тут стоит: «по воле царского величества», проживающие в Галиции поляки, но это должно быть проведено самой Австрией. Тогда примерно это будет Венгрией, а это - Австрией.

Вот такая карта появляется, если думают осуществить то, что сказано об Австрии в ноте Антанты. И наряду с этим сказано, что народам Средней Европы не хотят ничего сделать!

Вся нота показывает, что не существовало никакого осознания того, какие трудности возникнут, чтобы компенсировать большинство славянского населения в *этих* областях по отношению к исчезающему меньшинству в *тех* областях. Из всей этой ноты говорит самое высокомерное, невежественное незнание отношений! Вот так делаются сегодня исторические ноты. И затем говорят, что придётся исходить, ни из чего иного, как только повторять, - я уж даже не знаю, что, ибо это отталкивает, - повторять те фразы, которые были высказаны.

Но где же можно было лучше, чем в этой ноте Антанты, доказать то, что Австрия была поставлена перед необходимостью защищать себя? Какое, ещё более лучшее доказательство можно было бы предоставить? Короче, эта нота следует рассматривать как патологию. Она является вызовом истине и действительности. Она перегибает палку, перетягивает лук. Есть надежда, что поскольку она является вызовом духовному миру, этот духовный мир должен с необходимостью сам установить справедливость в этом деле, хотя люди, само собой разумеется, должны предоставить инструмент этому духовному миру.

Было бы своевременно, распространять по всему миру такие иллюстрации, как я сделал это вам сейчас в общих чертах, иллюстрации того абсолютнейшего всемирно исторического незнания и невежества относительно Средней Европы. Само собой разумеется, что там, где действует насилие, разумные доводы могут воздействовать лишь немного. Однако тем самым должно быть положено начало, чтобы увидеть, что, когда говорят о праве и свободе, имеют в виду насилие, настоящее насилие. Эти вещи надо называть своими именами. Наше время страдает именно от того, что люди не решаются называть вещи своими именами. Многие люди не приходят ко многому. Когда кому-то

встречается нечто подобное этому абсолютно глупому разделению народов Австрийской Империи, становится совершенно ясно, что такая нота происходит от людей, которые ничего не знают обо всём том, чем является Средняя Европа. Однако они имеют наглость судить о вещах, которые не знают, и не желают ничего иного, кроме распространения своего господства над этими областями; этим людям совершенно безразлично, как обстоят дела в действительности. И всё же спрашивают: но как же вообще могут осуществляться такие вещи? Есть, например некоторые версии, где говорится: освобождение славян и чехов и словаков; но местные газеты, где, вероятно, переводят более точно, доносят о чехо-словаках. Не правда ли, если кто-то говорит нечто верное, не стоит удивляться, откуда он это взял; но если некто говорит твердолобую чушь, как, например, разделение народностей в ноте Антанты, тогда стоит поискать, откуда эта чушь взялась. Не лишено интереса указать, на некоторый параллелизм, - само собой не для того, чтобы на этом основывать какие-либо гипотезы, и выводить какие-то следствия. Я, конечно, спрашиваю себя: откуда же берутся эти бессмысленные термины? - Я ещё раз подчёркиваю: никаких гипотез, никаких выводов, ничего, кроме краткого комментария.

В последние дни - причём я снова не выношу суждения о фактах, а только рассказываю - был опубликован приговор, вынесенный в Австрии чешскому лидеру Крамарцу, который долгое время был влиятельнейшей личностью в Австрии. Он бы приговорён к смерти, замененной пятнадцатью годами тяжелого тюремного заключения. В этом приговоре также говорится о том, что известная статья, опубликованная в «Таймс», - разумеется, на английском языке, - была найдена у Крамарца тоже на этом языке. Другом д-ра Крамарца является убежавший из Австрии университетский профессор Мазарик, который живёт теперь в Лондоне и в Париже. Случайно взяв из решения о вынесении приговора некоторые фразы из программы Крамарца, на основе которых тот был осуждён, Мазарик остановился на ней. Если совсем ничего не понимаешь в австрийских отношениях, то если читаешь эти фразы, будь то в «Таймс» или где-то ещё, - а они появились также и в Париже в «Чешском ревю», - и неправильно редактируешь их, - хотя Крамарц использовал правильные термины, - то выходят те курьёзные фразы из ноты Антанты относительно австрийских народностей. И если там действительно стоит термин «Чехо-Словаки», то возникает замечательная картина: у Крамарца было желание основать некое государство из Чехии и Словакии, что имело некий смысл; но тот в Западной Европе, кто не знал об этих отношениях, сделал из этого «Чехо-Словаков».

Да, становится необходимым, чтобы в нынешнее время, где задействовано так много подземных каналов, выяснить некоторые вопросы о связях. На основе сказанного мною, я не хочу основывать ни гипотез, ни выводов; но факты таковы, что имеется достойное внимания согласованность между вынесенным приговором и нотой Антанты. Само собой разумеется, о самом приговоре можно иметь самые разные мнения, судя по тому, занимает ли человек ту или иную точку зрения; в зависимости от этого можно кого-то считать убийцей или преступником. Я не хочу судить об этих вещах; но дело в том, что можно наблюдать эту удивительную согласованность. Как сказано, мне это попало только тогда, когда я хотел заняться тем, откуда, -

помимо всего остального грандиозного невежества, - возникло то, что легло в основу этой ноты.

Об этом грандиозном невежестве уже стоит говорить; ибо оно является значительным и относится к наиболее характерному для нашего времени. С той стороны, которая обладает половиной населенной части Земли, выдаются суждения, построенные на таких «действительных основах». Это является вызовом самому Духу истины.

(следующие фразы этой лекции ссылаются на цитату, к сожалению не воспринятую стенографом, и поэтому непонятны. Речь идёт о документе от 25 июля 1914, где рассматриваются отношения Распутина. От издателя).

Всё снова и снова будут, имея на то силу - а её имеют на периферии - нагло бить в лицо фактам. Но истину нельзя бить по лицу. Истина говорит, и надеюсь, станет импульсом, который, если дело пойдёт наихудшим образом, сможет привести человечество к единственному благу.

Завтра мы будем говорить дальше. Не знаю, как быть; со стороны наших друзей, которые хотят завтра было посмотреть дальнейшее рейнхардовское «художество», было высказано пожелание, чтобы наше собрание здесь состоялось раньше. Я не против. Так, когда же мы завтра должны начать? Может быть, каждый что-либо предложит? Когда мы должны будем встретиться? Это хорошо, если мы поступим так из любви к тем, кто интересуется этим безобразием и преподаёт лично себе урок о гибели театрального искусства.

ЛЕКЦИЯ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Дорнах, 14 января 1917

**Психические заболевания как следствие высвобождения
высших членов человеческой природы.
Воздействие Архангелов на ганглиозную систему человека.
Связь национального и сексуального.
Англо-масонская карта переустройства Европы.**

Перевод А.Демидов

Человеческая природа сложна, и в человеке происходит многое, что в его собственных событиях остаётся более или менее под порогом сознания, и лишь в единичных следствиях поднимается в сознание. Нельзя достичь истинного самопознания, не заглянув в действие тех подсознательных душевных импульсов, которые действуют под поверхностью сознания, которые, - как можно было бы сказать в качестве сравнения, - протекают в глубинах моря сознания, и лишь в отбрасываемых ими всплесках волн выступают на поверхности. Для обычного сознания становятся воспринимаемыми только эти поднимающиеся всплески волн, и человек по большей части не может объяснить их наличие в себе самом, так что истинное самопознание оказывается невозможным. Посредством чистого размышления над тем, что же так ударяет снизу вверх в сознание, самопознание невозможно; ибо эти вещи зачастую в глубине души оказываются совершенно иными, нежели как вступают они в сознание. Сегодня мы хотим, прежде всего, немного заглянуть в эту человеческую природу, для того, чтобы снова с известной точки зрения получить представление о том, чем, в сущности, является действие подсознательных душевных импульсов в человеческом существе.

Конечно, к таким делам всегда следует подходить в более или менее образной форме. Но если вы сопоставите многое из того, что было до сих пор высказано в рамках нашего антропософского движения, вы поймёте, какого рода реальность стремиться высказать себя в этих образах. Мы можем сказать: невидимая природа человека, его «я», его астральное тело, его эфирное тело - они действуют посредством его видимой природы, и, можно сказать, неявленное действует через явленное. - Во всяком случае, действие неявленного через явленное очень сложно. Однако, если кто-то постепенно изучает отдельные части этих сложных процессов, он может, сопоставляя их, придти к общему взгляду на существо человека. Конечно, такой взгляд всегда будет оставаться несовершенным, ибо человеческое существо бесконечным образом разветвляется. Однако, всё же можно придти к основным положениям о существе человека, пригодным для самопознания.

Допустим, что здесь у нас человек. Чтобы сделать вещи наглядными, я хочу исходить из того, что мы для земного человечества признаём как сущность человека, начинающую сознавать: то есть, исходить от «я». Я настоятельно подчёркиваю: в случае наглядного

изображения очень легко впасть в заблуждение, непонимание, когда находят, что сказанное прежде вступает в явное противоречие со сказанным позднее. Тот, кто видит эти вещи точнее, заметит, что такого противоречия в действительности не существует.

Итак, допустим сначала, что мы имеем дело с «я»-природой человека, с тем членом человеческого существа, которое мы обозначаем как «я». Эта «я»-природа, само собой разумеется, совершенно сверхчувственна; она является наиболее сверхчувственной из того, что мы имеем, но она действует посредством чувственного. То, откуда это «я», главным образом, - в интеллектуальном смысле, - воздействует на физическую человеческую природу, - есть нервная система, обозначаемая как ганглиозная система, нервная система, исходящая из солнечного сплетения. Схематически мы можем вот так указать на эту нервную систему, эту ганглиозную систему, систему солнечного сплетения (см. Рисунок, чёрное; стр. 126 нем текста). Она развивает функции, которые, казалось бы, не имеют особого отношения к тому, что в материалистическом смысле можно назвать нервной деятельностью, жизнью нервов, функционированием нервной системы. И, тем не менее, она, в сущности, является точкой приложения для настоящей деятельности «я», для реализации функций «я». То, что человек, начинающий видеть самого себя на оккультном уровне, должен ощущать центр своего «я» в голове, не противоречит этому, ибо в случае «я», как члена человека мы имеем дело с чем-то сверхчувственным, так что тот пункт, в котором человек переживает «я», является иным, нежели та точка приложения, посредством которой «я» преимущественно действует в человеке.

Значение слов: «я» действует посредством солнечного сплетения как точки приложения, - необходимо полностью уяснить себе. Значение это состоит в следующем: само «я» в человек наделено, в сущности, очень приглушённым сознанием. Мысль «я» есть нечто совсем иное, нежели само «я». Мысль «я» (Ich-Gedanke) является в некотором роде тем, что как волна поднимается в сознание, но эта мысль «я» не есть настоящее «я». Настоящее «я», как некая пластичная, продуктивная сила, вторгается во всю организацию человека через солнечное сплетение.

Конечно, можно сказать, что «я» распределяется по всему телу. Однако главной точкой его приложения, где оно особенно вторгается в пластичную субстанцию человека, в человеческую организацию, является солнечное сплетение, или, лучше сказать, - поскольку сюда же относятся все разветвления, - является ганглиозная система, то есть тот, живущий в подсознании нервный процесс, который разыгрывается в ганглиозной системе. Поскольку ганглиозная система обусловлена всем кровообращением, всей циркуляцией крови, это не противоречит тому факту, что «я» находит своё выражение в крови. В этих вещах сказанное надо принимать совершенно точно. Это нечто совершенно разное, если говорится: посредством ганглиозной системы «я» вмешивается в формирующие силы и во все жизненные отправления организма, - или говорится так: кровь со своей

циркуляцией, кровообращением является выражением «я» в человеке. Человеческая природа очень сложна.

Чтобы поставить перед своей душой всю значительность сказанного, было бы хорошо ответить на следующий вопрос: каково, в сущности, отношение «я» к этой ганглиозной системе и всему, что с этим связано? Каким образом «я» в некоторой степени фиксируется в органах нижней части человека? Дело обстоит так, что, если человек живёт в нормальном, здоровом состоянии, это «я» как прикованное находится в его солнечном сплетении и всё том, что с солнечным сплетением связано. Связь осуществляется посредством этого солнечного сплетения. Что это означает? Это человеческое «я», которое в ходе эволюции было получено человеком как дар от Духов Формы, подверглось, как вы знаете, люциферическому искушению. В том виде, как человек имеет это «я», поскольку оно инфицировано люциферическими силами, оно становится, в сущности, носителем злых сил. Это следует признать как безусловную истину. Не вследствие своей собственной природы является «я» носителем злых сил, но вследствие того, что «я» посредством люциферического искушения было инфицировано люциферическими силами, оно само стало носителем настоящих сил зла, тех сил, которые вследствие люциферического инфицирования получили склонность обращать во зло то, чем является мыслительная жизнь этого «я». С тех пор, как человек получил «я», он может мыслить. Не получив люциферического искушения, он стал бы обо всех вещах думать хорошо. Но поскольку люциферическое искушение имело место, «я» мыслит не хорошо, люциферически инфицировано, поскольку это произошло однажды в земной эволюции: мыслит коварно, злобно, с тайным коварством. Это «я» мыслит так, как если бы оно хотело выставить себя на свет, а всех других поставить в тень. Оно инфицировано всяческим эгоизмом. Таким является «я», ибо оно люциферически инфицировано. То, что живёт в человеке как система ганглий, как солнечное сплетение, появилось ещё в период древнего лунного развития, и, в некотором роде стало домом для «я»; тут «я» в некотором смысле пришлось кстати. Вот почему оно стало связанным с этим, стало приковано к этому. Так появился следующий факт: вследствие своего люциферического заражения, «я» имеет постоянную тенденцию вести себя коварно, лживо, выставлять себя на свет, других же в тень; однако оно было сковано посредством нервной системы нижней части тела. Ведь то (дурное влияние) следовало парировать. Через нервную систему нижней части тела правомерные, движущиеся поступательно силы, прошедшие через эволюцию (древнего) Сатурна, (древнего) Солнца и (древней) Луны помешали этому «я» стать демоном, в злом смысле этого слова. Итак, мы носим в себе наше «я» так, что оно приковано к органам нижней части тела.

Представьте себе, что органы нижней части тела были бы каким-либо образом нездоровы, что они не были бы в нормальном состоянии. Не быть в нормальном состоянии означает: не желать полностью принимать в себя то, что входит в них духовно, что принадлежит им на духовном уровне. «Я» может стать в некотором роде свободным в его деятельности, если нижние части тела не вполне здоровы. Тогда, если это высвобождение вызывается посредством особенно чрезмерной физической деятельности, человеческая природа может проявить себя

так, что «я» станет в некотором роде свободным, высвобождённым для внешнего мира, в то время как обычно оно приковано. Если «я» сделалось свободным, мы имеем тот случай, когда человек физически заболевает, развивая при этом свойства люциферически инфицированного «я»: тогда выявляются те свойства «я», о которых я говорил. Из-за этого не становятся материалистом, поскольку здесь человек полностью проникает в связь духовного начала, - в данном случае, - связь «я», с физическими органами в жизни между рождением и смертью; только представляется эта связь в более высоком смысле, чем в случае материалиста. Прослеживается также и то, что в некотором смысле чёрт высвобождается, его оковы могут стать пустыми. Вот тут мы имеем случай психического заболевания.

Если «я» высвобождается, это не обязательно должно быть психическим заболеванием, тут может иметь место иной случай. Тогда речь пойдёт не о настоящем заболевании нижней части тела, но в некотором роде выключении его регулярной деятельности. Это в подавляющем большинстве случаев проявляется как сомнамбулизм. Тут ганглиозная система со своими функциями подготовлена так, будь то вследствие природы, будь то вследствие всевозможных магнетических влияний, что она не может полностью удерживать «я» в своей власти. Тогда «я» приходит к тому, что свободно вступает в корреспонденцию со своим окружением. Оно тогда уже не располагается в системе ганглий и может поэтому использовать каналы связи с миром, которые делают для него возможным видеть всевозможные вещи, далеко отстоящее в пространстве и во времени; нормальным образом «я» располагается в ганглиозной системе, откуда эти процессы не могут быть восприняты. Следовательно, важно знать: существует известное родство между сомнамбулизмом, который лишь едва, я бы сказал, в мягкой форме выключает ту обычную деятельность процессов, протекающих в ганглиозной системе, а также родство между известными формами безумия, которые вызываются, если такое выключение возникает вследствие деформации, вследствие заболевания некоторых органов нижней части тела. Итак, такие болезненные проявления связаны с тем, что «я» становится в некотором смысле свободно, чувствует себя, так сказать, свободным от своих оков и чувствует себя связанным не со своим телом, но с духовными силами своего окружения, как это имеет место и в случае безумия. Вот почему при некоторых формах безумия выступают такие свойства как коварство, лживость, лукавство, притворство, всё, что приходит от люциферической инфекции как потребность выставить самого себя на свет, а все другое поставить в тень, и тому подобное.

Вы поймёте, что психическая конституция зависит от свойств той структуры, благодаря которой «я» сковывается. Для того, чтобы не приводить примеры на людях и поменьше оскорблять тем самым человеческие чувства, давайте сравним льва, как лютого пожирателя мяса, с быком или волком. Тут есть разница, поскольку в случае льва речь идёт о групповой душе, а в случае человека - об индивидуальном «я»; и всё же мы можем использовать сравнение. В чём состоит различие между природой льва и природой вола? Лев - ярко выраженный пожиратель мяса, тогда как вол, главным образом, как вы знаете, вегетарианец. Разница в том, у льва то, что у него соответствует групповому «я» сковано в меньшей степени, что вследствие

стремительной, быстрой деятельности того, что соответствует органам нижней части тела, групповое «я» оказывается свободнее, оно более натравлено на своё окружение, в то время как у вегетарианца воля групповое «я» в большей степени приковано к органам нижней части тела. Поэтому вол в большей степени живёт в себе.

Теперь вы видите также и то, что для человека имеет смысл стать вегетарианцем - само собой разумеется, если он этого хочет. Ибо, что тем самым достигается? Именно благодаря вегетарианскому питанию нижняя часть тела становится ещё более способной сковывать «я», и человек вследствие этого становится, - если мне будет позволено выразиться парадоксально, - становится несколько нежнее. Его злой демон больше входит в него самого, и меньше изживает себя по отношению к своему окружению. Однако никто не должен воображать, что вследствие этого у него больше нет этого злого демона. Он у него есть, только он заперт во внутреннем, скован внутри человека. Можно очень легко провести решающий эксперимент, *experimēt crucis*, если сравнить, как ведут себя в одном и том же случае голодный поедатель мяса и голодный вегетарианец. Если человек голоден, «скованный» в нём делается в общем, несколько более свободным; очень легко может случиться так, что именно голодный вегетарианец, - поскольку они приучены к тому, что скованные особенно хорошо скованы вследствие вегетарианского питания, - высвободит этого скованного с некоторой яростью. Ибо голод состоит в том, что органы нижней части тела изменяют свою деятельность и вследствие этого уже не могут сковывать «я» в той мере, как это происходит в состоянии сытости. Тем самым я не хочу утверждать, будто сказанное мной надо расценивать как абсолютное, поскольку у тех, кто ест мясо этот «скованный» сам по себе скован не так сильно как у вегетарианцев; но я говорю так: при сравнении голодный вегетарианец по отношению к своему сытому состоянию может быть при случае гораздо более яростным существом, нежели голодный мясоед по отношению к своему сытому состоянию. Человеческая природа очень сложна, и когда рассматривают отношение духовного к телесному, приходят к известным познаниям, которые могут служить основой для истинного, реального самопознания в жизни. Во всяком случае, надо сказать: что вегетарианец должен заботиться о том, чтобы не слишком истощать себя. Ибо, если он истощает себя, то тем самым вредит себе; он ослабляет оковы, тюрьму для своего чёрта, для того, кто выступает с коварством, ложью и так далее; он тогда или будет напускать этого «раскованного» на своё окружение, и это окружение будем, как говорят по-австрийски иметь «*Gefrett*», то есть пакости, будет иметь с ним проблемы. Или же он будет иметь проблемы сам с собой, не сможет управиться с собой, поскольку с одной стороны у него будет мания изживать различные плохие свойства «я», но, с другой стороны, если он воспитан, стремится к сдержанности, может произойти так, что он не сможет управлять собой. Вследствие этого возникают всевозможные состояния душевного дискомфорта, состояния психической неудовлетворённости. Важно принять это к сведению.

Точно так же как «я» имеет свою точку приложения в ганглиозной системе, астральное тело имеет свою точку приложения во всех процессах, связанных с системой спинного мозга. Естественно, что нервы проходят через всю телесность; но именно здесь мы имеем вторую точку приложения. Сюда естественным образом относятся все процессы, которые связаны с нервной системой. Это ещё не система головного мозга, но система спинного мозга, которая, например, связана с нашими рефлекторными движениями, и которая является регулятором очень многого в человеческом теле. Если говорят так, как я говорю сейчас, то надо не упускать из виду, что сюда относятся все процессы, которые управляются посредством этой нервной системы. Опять-таки, эти вещи следует понимать только так, что астральное тело или приковано ко всему тому, что связано с системой спинного мозга, или что оно, вследствие заболевания или частичной заторможенности процесса - посредством магнетизма или чего-то подобного, - может становиться свободным. Тут вы имеете второго «закованного», который получил свои люциферические свойства, несколько смешанные с ариманическими, ещё в течение древнего лунного времени. Поэтому они слабее, чем люциферические свойства «я», однако в астральном теле тоже имеются люциферические свойства. Если вы хотите провести перед своей душой тот процесс, вследствие которого люциферическая инфекция проникла в астральное тело, вы должны изучить то, что описано в моей книге «Очерк тайноведения» как отделение (древней) Луны от всей эволюции. Это инфицирование пришло в течение (древнего) лунного развития. Тут вы имеете ещё одну причину, по которой человек получает сомнамбулические свойства, более высокие сомнамбулические свойства, которые связаны преимущественно с органами груди, оказывающими посредничество более высокого уровня, нежели органы нижней части тела. Но в то же время вы имеете возможность увидеть, что если тут что-то не в порядке, так что астральное тело не может удерживаться скованным, опять наступает нечто такое, что следует рассматривать как психическое заболевание, как психические нарушения. Итак, насколько раскованное «я» будет приводить к проявлениям безумия, настолько и астральное тело будет вызывать проявления безумия.

Когда расковано «я», то, как я говорил, развиваются такие свойства, как тайное коварство, лукавство, притворство, обман, стремление выставить себя в лучшем свете, а всё другое оставить в тени, то есть самовозвеличивание и умаление других, и так далее. Если же расковано астральное тело, то развивается скачка идей, непоследовательная логика, маниакальные состояния или бегство от мира, меланхолия, ипохондрия. И опять-таки имеет место родство таких болезненных явлений с соответствующими сомнамбулическими явлениями. Только в случае сомнамбулизма органы не больны, но их нормальное функционирование заторможено, подавлено, что может быть достигнуто также посредством влияния гипнотизёров, магнетизёров и им подобных.

В нашей человеческой природе много должно быть скованным. Мы в известном смысле уже являемся чертями, и только потому, что эти черти скованы в нас благодаря упорядочивающему воздействию регулярных божественно-духовных сил, прошедших поступательное развитие (древних) Сатурна, Солнца и Луны, - только благодаря этому

мы являемся наполовину приличными, порядочными людьми, к чему мы, вследствие различных искушений, не так уж сильно предрасположены. Некоторые расстройства, некоторые настроения в нашей душевной жизни тоже связаны с тем, что человек подходит к тому, что живёт в нём как демоническое начало. Всё это демоническое основано на том, что может высвободиться, может расковываться то, что должно быть сковано. При других обстоятельствах мы ещё поговорим о том, вследствие чего то, что в течение жизни между рождением и смертью сковано нашей физической природой, оказывается скованным потом, между смертью и новым рождением. Ведь вы уже должны видеть то, что мы обязаны быть очень благодарны мировому порядку за то, что здесь, между рождением и смертью обладаем физическим организмом; ибо иначе, мы не имели бы этой тюрьмы, необходимой нашим высшим членам. - Когда эти более высокие члены после отложения физического тела высвобождаются, наступают другие отношения, о которых мы поговорим при других обстоятельствах. Но и тогда они не остаются нескованными.

Точно так же, как астральное тело приковано посредством спинного мозга и всех процессов органической жизни, связанных с этим, эфирное тело сковано посредством системы головного мозга и посредством всего, что к головному мозгу относится. Итак, эфирное тело имеет свою точку приложения благодаря системе головного мозга. Здесь тоже можно сказать нечто похожее. В нашей голове находится тюрьма для нашего эфирного тела. Состояния безумия или сомнамбулизма наступают, если тело не в порядке и эфирное тело стало раскованным. Высвобождая себя, то есть, не будучи заключено в тюрьму головы, эфирное тело преимущественно имеет склонность размножаться, умножаться, вследствие чего оно становится чуждым само себе, оно до некоторой степени переходит в мир, чтобы вживаться в другое. Тем самым обозначаются состояния, наступающие, когда «начальник тюрьмы» освобождает эфирное тело.

Итак, вы видите тройную возможность психических заболеваний, тройную возможность высвобождения из физического тела. Эти три возможности должны быть полностью приведены в норму - но совершенно иным образом - если человек посредством посвящения должен стать свободным от своего физического тела. То, о чём мы говорили, является болезненным высвобождением такого рода, когда органы физического тела не остаются здоровыми, вследствие чего физическое тело не в состоянии удержать высшие члены. Предпосылкой сомнамбулизма, связанного с головным мозгом становится только заторможенность, засыпание деятельности головного мозга; вследствие этого эфирное тело высвобождается, и возникает сомнамбулическое состояние. Но и в случае дефектов головного мозга эта тюрьма не может удержать прикованного, то есть эфирное тело, тогда последнее пускается во всякие авантюры, выходя в мир, пытается формировать и вести неупорядоченную, спутанную жизнь. Вы ясно видите, что физические заболевания главным образом имеют основу, смотря по виду высвобождения от той физической

основы, к которой принадлежат соответствующие высшие члены человека в жизни между рождением и смертью.

Эфирное тело, если оно свободно, обладает, преимущественно ариманическими свойствами. В данном случае, будучи болезненно гипертрофированными, изживаются зависть, недоброжелательство, скупость и тому подобное; но всё это изживается в связи с формой самореализации в окружении, переходя в окружение. Это, однако, следует понимать так, что хотя «я» в большей или меньшей степени имеет свою точку приложения в ганглиозной системе и в том, что с ней связано, астральное тело - в системе спинного мозга, но вместе с ганглиозной системой, эфирное тело - в системе головного мозга, но совместно с системой спинного мозга и ганглиозной системой. В этой степени, например, ганглиозная система, поскольку она обеспечивает всё подсознательно-органическое, имеет также дело с головным мозгом. Если ганглиозная система обуславливает болезненный процесс, который изживается в головном мозгу, тогда именно эфирное тело становится свободным. Но, несмотря на это причина заложена в ганглиозной системе. Эти вещи действительно очень сложны.

Современная психиатрия ещё не имеет никаких методов, чтобы обособить друг от друга эти три формы психических заболеваний. Психиатрия сможет достигнуть некоторого совершенства только тогда, если будут различать психические нарушения, обусловленные тем, что или скованное эфирное тело, или скованное астральное тело, или скованное «я» стали свободны. Весьма значительным образом смогут тогда различать и упорядочивать симптомы психических отклонений; будет особенно важно суметь их соответственным образом упорядочить.

Отсюда вы видите также и то, что самопознание может опираться лишь на проникновенное рассмотрение сложной природы человеческого существа. Познание может также иметь свои неприятные стороны. Но познание не должно быть игрушкой, познание является наиболее серьёзным делом человеческой жизни. Тот, кто знает все эти вещи, касающиеся природы человека и имеет хотя бы немного воли, чтобы принимать их не в эгоистическом смысле, но объективно их осмысливать и чувствовать, тот в познании, в то же время, имеет и важный оздоровительный момент. Конечно, человек может оказаться слабее, чем это оздоровительное начало; но, всё же, он этот важный оздоровительный момент в познании имеет. Человек не имеет его только тогда, если он целиком и полностью застрял в своей субъективной натуре, если он не хочет выйти из неё.

Большой трудностью такого движения, как наше является то, что с одной стороны необходимо самым серьёзным образом стремиться к высшему познанию, но, с другой стороны, не каждый, причисляющий себя к такому движению, склонен совершенно объективно понимать такое познание, принимать его с полной серьёзностью. Ибо оно действует оздоровляющим образом на такую личность благодаря тому, что человек уже не рефлектирует по каждому поводу относительно своей личности, что он не размышляет только над тем: что я чувствую, что я ощущаю, как идут у меня дела в мире, что живёт в моей душе и так далее, но что человек освобождается от себя, и рассматривает общечеловеческие дела, дела, касающиеся каждого человека. Трудность выступает только тогда, когда человек хочет ограничиться лишь самим собой, если он не освободился от себя. Чем больше человек

в состоянии отвлечься от себя и искать понимания общемирового, общечеловеческого, тем большее целительное средство имеет он в познании.

Хотелось бы, чтобы в это поверили. У вас есть хороший повод понаблюдать противоположный полюс тому, что я сказал, именно в таком движении, как наше. Вполне естественно и даже оправдано, что люди, которые нелегко высвобождаются от себя, ищут в нашем движении утешение, надежду и убежденность. Но если у них нет честных намерений освободиться от самих себя, если они постоянно заняты лишь собственной головой, лишь своим собственным сердцем - на говоря уже о другом, чем занимаются многие люди в нашем обществе, - тогда познание может стать для них не тем, чем оно является в действительности. Можно интересоваться познанием так, что оно становится для человека не только личным, но общечеловеческим делом. Чем большую роль играет личное, тем больше отходят от того, что является целительным в познании глубинных основ мира.

С достигнутой точки зрения надо уяснить себе, как некоторые импульсы в природе человека связаны с высвобождением психического, духовного, будь то при сомнамбулизме, будь то при безумии. - Ибо высвобождение всегда связано с восхождением в духовное. Однако это всегда связано со неким сладострастием, некой похотью, с настоящей похотью, прямой и непрямой. Ибо состояние освобождения, будь это эфирное, астральное тело, или «я», есть некоторым образом изливание в духовный мир. Это изливание связано с чувством внутреннего воодушевления, блаженства. Именно при психических отклонениях чувствуют некоторую удовлетворённость в своей ненормальной душевной деятельности, и поэтому так неохотно оставляют её. Можно пережить то, что во все времена переживалось теми, кто старался исцелить психически ненормальных. Если их лечил проницательный врач, то затем часто случалось так, что если удавалось излечиться, если больные не испытывали больше этого свободного состояния и выхода в духовное окружение, если проходило сладострастное, похотливое воодушевление, они начинали ненавидеть тех, кто отнял у них это состояние похотливого блаженства. В то время как при других, не психических заболеваниях, можно было испытать, что исцелившему врачу благодарны, то в случае усилий, направленных на исцеление психического больного, происходит противоположное. В литературе вы найдёте описание такого опыта; врачи утверждают, что при выздоровлении, или даже при попытке преодолеть это состояние, состояние наслаждения уходит, и люди начинают испытывать отвращение к врачу; он отнимает у них то, чем они обладали с охотой, что они охотно имели в подсознании, в то время как в верхнем сознании они притворялись и изворачивались.

Рассматривая эти вещи, вы заглядываете в глубокие тайны правящей природы человеческой души. Однако, с другой стороны вы поймёте, что если «я» или эфирное тело, или астральное тело старались работать с помощью своего физического инструмента, если они затем стали свободны и ещё сильны, ещё имеют отпечаток формы, которую они имели в физическом, они могут развивать некоторые силы с большей легкостью, нежели могли они развивать эти силы в больных органах. Поэтому такие больные, кто периодически, - ибо тут

возникают циклические, периодически отклоняющиеся от нормы состояния души, - выходит из своего организма, очень часто ощущают, что обладают способностями, которых они не имели в ином случае. Это опять-таки вызывает большое удовлетворение, так что, если они снова возвращаются затем в физическое тело и у них сохраняется некоторое сознание о том, что с ними происходило, они могут затем иметь об этих вещах очень ясное самосознание. В первой половине 19 века один знаменитый врач, *Виллис*, вылечил одного безумного, то есть привёл его к тому, что тот смог снова думать о себе разумно. Этот исцеленный безумец был интеллигентен и записал нечто подобное ретроспективному обзору состояния своего безумия, записал следующее. Вы хорошо поймёте то, что записал этот интеллектуальный безумец, если вы приняли к сведению сказанное мной. Это был психически больной с заболеванием, при котором некоторым образом раскованными оказались все три высших члена. Больной пишет: «Я жду моего припадка с нетерпением...предвкушая блаженство», - итак, представьте себе, он ожидает этого выхода из тела с нетерпением, поскольку он знал, что будет наслаждаться неким блаженством.

«Всё кажется мне легким; нет никаких препятствий ни в теории, ни в практике. Моя память внезапно достигает редкой степени совершенства...»

Тот, кто проникает эти вещи, знает, что обычно этому больному приходилось страдать от запора в нижней части тела, и что вследствие этого его память помрачалась. В тот момент, когда его «я» высвобождалось, память была безупречной.

«Мне приходят в голову длинные места из латинских писателей. Обычно мне было очень трудно находить рифмованные окончания; но теперь я могу писать стихи с такой же легкостью, как и прозу».

Вы видите, этот человек очень точно описывает себя и можно понять, что он известным образом пытается вызвать ненормальное состояние. Сделать это произвольно он не может, но он бывает рад, если это состояние приходит, ибо в нём он испытывает наслаждение.

Вообще, трудностью в отношении пациентов с психическими отклонениями является то, что при лечении они должны приводятся не к счастливому, но несчастному настроению, и что поэтому в действительности они огорчаются. В верхнем сознании дело, конечно, обстоит иначе, но в действительности, в подсознании они огорчаются из-за того, что были излечены. Само собой разумеется, они приходят к врачу и говорят, что хотят излечиться; но в подсознании они в действительности вылечиться не желают. В этом состоит трудность. Этот «раскованный» или эти «раскованные» всей своей силой противятся быть вырванными из того блаженного состояния, в которое они вырастают при их высвобождении. Вы видите, на этом пути воздают должное тому, что является материальной основой нашего физического бытия; но материалистами не становятся.

Возьмём такой пример; некто был бы глуп в большей степени, нежели считают его во внешней жизни; такие люди есть. Глупость является всего лишь ступенью на пути к известному психическому отклонению, а именно идиотии, слабоумию. Это может быть связано с тем, что скованное обычно эфирное тело освобождено, поскольку головной мозг слишком компактен, плотен, работает недостаточно лабильно, неустойчиво. Допустим, что такой человек пытается

застрелиться, стреляет себе в голову, но пуля его не убивает. Тот, кто проникает эти вещи, при известных обстоятельствах может считать нечто подобное весьма полезным, если, конечно человеку это не повредило; возможно, такой человек стане разумнее вследствие наступающего разрыхления, расшатывания его компактного головного мозга. Бывают случаи, когда вследствие ранения головы люди становятся более пробуждёнными, по отношению к своему прежнему состоянию.

Поистине, в области физически воспринимаемого нет ничего более сложного, чем человеческая природа; она является самым сложнейшим из всего, что вообще находится в мире. Но человека действительно надо рассматривать именно так как я сейчас изложил, если хотят рассматривать его в его целостности. Мы ведь видели сейчас, что при рассмотрении головы человека, деятельность его головы в некотором отношении основана на том, что эфирное тело правильным образом вставлено в голову. Ненормальная деятельность возникает, если эфирное тело становится свободным, если оно расковывается. Вследствие того, что человек вообще организован нормально, имеет свои органы чувственного восприятия, имеет свою нервную систему головного мозга, эфирное тело может иметь нормальные отношения со своим окружением. То, чем является человек вследствие особой связи его эфирного тела с головой, обуславливает его как человека в общем, как он существует между рождением и смертью. Если бы мы не несли в себе ничего другого, как только нормально вставленное в голову эфирное тело, все люди были бы одинаковы, а человек не мог бы ощутить связи с бессмертной частью своего существа; ибо именно голова сообщает нам те переживания и тот опыт, которые мы в жизни между рождением и смертью можем получать благодаря органам чувств и благодаря нервам головного мозга.

Рассмотрите это в связи с тем, что я говорил о потере головы в ходе реинкарнации; то, что сейчас является головой, было в прежней инкарнации телом, а что является сейчас телом, будет головой в ближайшей инкарнации. Однако человек знает о своей связи со своим бессмертным началом, которое проходит через рождение и смерть, хотя без духовнонаучного познания это знание является только верой. Понимать эту связь человек может благодаря голове, но он может иметь такое знание только вследствие того, что его система спинного мозга служит органом астрального тела. Тут создаются те представления и ощущения, которые приводят человека в обоюдные отношения с его бессмертным началом, с его сверличностным. Всё то, что мы имеем только для жизни между рождением и смертью, мы имеем вследствие того, что в нашем организме есть земной элемент, твёрдое. При других обстоятельствах я упоминал, что мы на девяносто пять процентов являемся жидкой колонной. Твёрдого в нас чрезвычайно мало - оно составляет лишь пять процентов, - человек - это водяной столб. Однако носителем обычных мыслей для физической жизни может быть лишь это твёрдое; мы знаем о нашем сверхличном лишь постольку, поскольку мы проникнуты этой жидкостью и её пульсациями. Эта жидкость и её пульсация находится в связи с системой спинного мозга, которая преимущественным образом и регулирует это жидкое и эти пульсации. Как это связано с известными вещами, о которых я уже сообщал ранее, с пульсацией жидкости вверх

и вниз между нижней частью тела и головным мозгом, я хочу сообщить завтра, поскольку сегодня это отвело бы нас слишком далеко от нашей собственной темы. Однако человек, вследствие того, что он имеет в себе жидкий элемент, поддерживает связь не только со своим сверхличным началом; вследствие этого он специфицируется в своей личности. Если бы мы были только людьми головы, мы все стали бы одинаково мыслить, одинаково чувствовать. Благодаря тому, что мы являемся человеком сердца, благодаря тому, что мы имеем в себе жидкий элемент как кровь и другие соки, мы некоторым образом специфицируемся; ибо вследствие наличия жидкости в нашем существе принимает участие иерархия Ангелов. Иерархия Ангелов можем вмешиваться в нас на окольном пути, через жидкий элемент.

Третья возможность вмешаться в наше существо возникает благодаря тому, что при нормальном взаимодействии высших членов с ганглиозной системой существует возможность, что на нас действует газообразное и всё связанное с ним. Это происходит благодаря процессу дыхания. Однако он очень сложен. Это не всё равно, дышим ли мы здесь или там, содержит ли вдыхаемый воздух много или мало кислорода, имеет ли он сильную или слабую влажность, содержит ли он много или мало солнечного тепла и тому подобного. Вследствие того, что мы несём в себе возможность, что на окольном пути газообразный элемент действует на нас, вследствие этого архангельская иерархия, Архангелы получают возможность действовать на нас. Всё, что воздействует на наше существо от иерархии Архангелов, будь то Архангелы нормального, прступательного развития, или отставшие, действует на окольном пути посредством нашей ганглиозной системы. На этом окольном пути действует также и то, что исходит от так называемых Народных Духов, которые тоже принадлежат к иерархии Архангелов. То, что, исходя от Народных Духов, действует на человека, действует на те органы, которые связаны с ганглиозной системой. Поэтому народность, народ есть нечто отвлечённое от сознания, нечто, действующее демонически. Поэтому, по уже указанной мною причине, это так сильно связано со всем тем, чем является местность; ибо в гораздо большей степени, чем полагают, местность, климат связаны с иерархией Архангелов. Климат есть ни что иное, как то, где на окольном пути на человека действует воздух.

Вы видите, как, указывая на систему ганглий, мы показываем, как в бессознательном человека правят импульсы народной душевности (Volksseelenhaftigkeit), импульсы Народной Души. Сейчас вы также поймёте, что в большей степени, чем это обычно думают, именно принадлежность к народу связана с некоторыми свойствами человека, которые связаны с его ганглиозной системой. В большей степени, чем думают, проблема народности находится в отношении к сексуальной проблеме. Ибо принадлежность к народу покоится на той же самой органической основе, - системе ганглий, - которая лежит в основе сексуального. Это надо понимать даже на внешнем уровне посредством того, что человек принадлежит к своему народу благодаря рождению, поскольку созревает в матери определённого народа, поскольку так осуществляется посредничество. Таким образом, вы видите, через какие, можно сказать, подземные душевные основы национальная проблема связывается с проблемой сексуальной. Поэтому в этом феномене так много родственного между обоими этими импульсами в

жизни. Кто смотрит на жизнь открытыми глазами, обнаружит чрезвычайно много родственного между той формой и тем типом, как человек проявляет себя на эротическом уровне, и как действует он в своей принадлежности к народу. Тем самым не говорится ничего ни «за», ни «против» по отношению к тому или иному; но факты таковы, как я характеризовал их. Побуждения национального типа, которые очень сильно действуют в бессознательном, если они не подняты в «я»-сознание, когда этот вопрос сводится к вопросу кармы, - как я недавно характеризовал это, - побуждения национального типа являются родственными сексуальным побуждениям. Нельзя обходить такие вещи с помощью того, что кому-то, вследствие заблуждения или страстного желания, хотелось бы считать национальные эмоции эмоциями благородными, достойными, тогда как сексуальные эмоции - мало приличными: факты таковы, как я их развивал вам.

Отсюда вы могли бы теперь усмотреть и то, что люди приходят к известному согласию, если они ведут переговоры на уровне головы. Тут они одинаковы. Если бы мы были только головами, мы бы очень легко могли приходить к пониманию. Это сказано парадоксально: если бы мы были только головами. - Но если кто-то хочет вести совместную жизнь со многими людьми, ему приходится использовать такие парадоксальные выражения. Так однажды, - это я дополняю в скобках, - я познакомился с одним знаменитым австрийским поэтом, который мыслил также и на философском уровне, и который ужасно боялся всё большей и большей интеллектуализации человечества. Он говорил: люди развиваются так, что становятся всё интеллектуальнее и интеллектуальнее, в конце концов, их остальное тело станет совсем маленьким, совсем зачахнет, и они будут странствующими головами. Он это говорил совершенно серьёзно.

Были бы мы, как сказано, головами, мы во многом могли бы прийти к пониманию. Однако относительно того, что может быть понято посредством инструмента системы спинного мозга, людям понять себя уже труднее. Поэтому они ведут борьбу в отношении мировоззрений, религий, относительно всего, что они связывают со сверхличным. А то, что они ведут борьбу за то, чьим органом является ганглиозная система, в этом, особенно в современности, никто не усомнится. Причём под этим я подразумеваю не внешнюю войну, но ту войну, в которой ненависть выступает против ненависти; ибо внешняя война может даже не иметь дело с тем, что страшным образом распространяется, как ненависть против ненависти.

Люди должны снова осознать эти вещи. Ибо только благодаря тому, что люди снова проникнут в природу человека, можно будет найти дорогу из того хаоса, в который вступило человечество. Завтра мы будем и дальше говорить именно об этом хаосе. Но только, да будет нам ясно; знание, познания о сложной природе человека, которыми будут овладевать, должны быть проникнуты тем настроением, которое я вам характеризовал перед этим: безличным настроением.

Прежде всего, я характеризовал вам безобидное личное настроение: это люди, которые не справляются с самими собой, которые тому или иному говорят всё от сердца. Но в мире мы встречаем и менее безобидные личные или групповые эгоистические настроения. Оккультные знания не всегда используются самоотверженным образом, это вы видели благодаря рассмотрению, проведённым нами в течение

этих недель. Мы глубже заглянем в импульсирование, которое правит в человеческих событиях, если мы вообще сможем рассмотреть человеческую природу во всей её сложности. Ибо то, что можно узнать об отдельном человеке, связано со всем тем, что происходит в человеческом развитии среди людей, как в отношениях отдельного человека к отдельному человеку, так и в отношениях внутри группировок, и в отношениях между группировками.

Я указывал вам на то, что в некоторых оккультных братствах оккультные знания применяются для того, чтобы задать направление, которое затем будет использовано таким образом, что не общечеловеческие цели, но цели группового эгоизма должны будут достигаться посредством оккультных импульсов. Я говорил вам о том, что в некоторых оккультных братствах существует взгляды о том, как должна быть сформирована Европа, к какой структуре Европы хотели бы привести. Если к тому, что сегодня уже вышло наружу, я добавляю нечто другое, что ещё не вышло наружу, то делаю я это по той причине, поскольку мне кажется, что это хорошо - чтобы когда-либо, где-либо, пусть даже в таком маленьком кругу, будет сказано то, что появится в будущем точно также, как уже появилось дело о разделе Австрийской Империи в ответной ноте президенту Вильсону. Ибо тот, кто знает эти дела, тот мог бы этот раздел Австрии отнести ещё к девяностым годам (19в) - дальше я не заходил, - на основе уже упоминавшейся карты.

То, что публикуется, всегда составляет лишь часть; она вливается во внешние экзотерические дела к тому времени, когда полагают, что тем самым можно воздействовать, другое скрывают. Поистине не ради того, чтобы хоть в малом действовать на уровне агитации или политики, но только ради того, чтобы сообщить вам познавательные факты, говорю я о том, о чём я хочу сказать вам сейчас. Оно существует в мире. Я очень далёк от того, чтобы желать нагнать на кого-либо страх, или желать подействовать на кого-либо, чтобы он поверил тому или иному, или же стал в том или ином направлении испытывать опасения; нет, я имею тут дело исключительно с познанием. И здесь мне хотелось бы нарисовать вам нечто от той карты будущего Европы, которая вынашивается в некоторых оккультных обществах, как я уже описывал это вам. Только чтобы дело пошло быстрее, всё это придётся рисовать приблизительно. Как сказано, речь идёт о том, как задумывают в таких оккультных братствах построить Европу отдалённого будущего (изображается на рисунке). *(Данного рисунка в тексте нет - примеч. перев.)*

Первое, что бросалось в глаза, была южноевропейская, Балканская конфедерация; которая должна была стать своего рода форпостом, своего рода валом против руссизма. Ибо, как само собой разумеющееся, руссизм рассматривался на Западе, как другой полюс, не как нечто такое, с чем желали бы всегда оставаться связанными, но как то, что в некотором смысле всегда должно быть тем, против чего хотели бы бороться. В этой конфедерации хотели скрепить сегодняшнее королевство Италию с балканскими славянами, и славянством, относящимся ныне к Австрии, она должна была бы охватывать большую часть Аппенинского полуострова, италоязычную часть Швейцарии, южную часть Австрии, Кроацию, Словонию, Далмацию. Сюда же должна была бы войти Греция, но только северная.

Конфедерация должна была также охватить Венгрию и устье Дуная. Всё это должно было бы стать Балканской Конфедерацией. Тем самым было бы сломано по направлению к Востоку всё, что, - как предполагали, - могло бы быть охвачено Россией. В программе этой карты, - я это настоятельно подчёркиваю, - всегда очень остро отмечалось: по отношению к Польше, имеется, якобы, всемирно историческая необходимость, что эта страна при любых обстоятельствах, должна снова во всём своём составе войти в русское государство. Итак, эта программа с самого начала состояла в том, что Польша, включая части, сегодня принадлежащие Пруссии, снова были присоединены к Российской Империи, к русскому государству. Итак, в соответствие с этой программой Российская Империя должна была бы охватывать современную Польшу, а также Галицию и Словакию. Подобно опускающемуся сюда полуострову стало бы всё то, что я здесь заштриховал. Здесь должна была бы быть Буковина (изображается на рисунке).

Затем идёт Франция, которая должна была бы охватить области по Рейну вплоть до рейнского устья, а также франкоязычную часть Швейцарии; всё это должно было бы ограничиваться Пиренеями, а здесь примерно такими границами. О скандинавских народах ничего особенного не сказано; им хотят на долгое время предоставить отсрочку.

В остальном же должно быть так: немецкоязычная Швейцария с Германией и немецкими областями Австрии: они должны охватить эти области здесь. То, что покрыто краской, должно в большей или меньшей степени попасть в, так или иначе образованную сферу влияния Британской Империи: Голландия, Бельгия, побережье, Португалия, Испания и нижняя часть Италии, - об островах мы поговорим как-нибудь в другой раз, - и южная часть Греции.

Здесь мы имеем карту, которая отчётливо показывает, как то, что мы вчера пытались зафиксировать на доске, является своего рода авансом для этой карты, ибо со Средней Европой происходит примерно то же самое, если вы сравните эту карту с тем, что уже написано в ноте Антанты к Вильсону. Это то, что расценивали как идеальное разделение Европы. Тем самым ничего несправедливого не происходит: Рим остаётся здесь, он, само собой разумеется, остаётся в Италии. - Это не есть то, с помощью чего я хотел бы оказать на кого-либо хоть малейшее влияние; нет, этим я хочу сказать только то, что как новое построение Европы, изучалось в некоторых оккультных братствах; это было ясно прослежено мною в ретроспективном порядке вплоть до девяностых, восьмидесятых годов.

Почему грядущее построение Европы выглядит тут именно так, какие для этого причины, - об этом тоже не раз сообщалось. Сообщалось известным образом и то, каким способом и на каком пути желали видеть такое формирование Европы; само собой разумеется, принимая в расчёт разумные причины. Об этом мы будем говорить завтра утром.

Мне очень хорошо известно, что злые силы с легкостью могут сказать, что было неумно, принимая во внимание известный пункт, именно здесь, в этом месте говорить такие вещи. Но я не хочу никого агитировать, я не хочу предоставлять ту или иную картину будущего,

ни воюющим странам, ни нейтральным странам. С такими вещами я не хочу иметь дела, но насколько я высказал их здесь, они полностью происходят лишь из тех импульсов, которые развиваются в тех кругах. Так что мы имеем тем самым картину мира, возникшую из стремлений использовать известные импульсы в интересах группового эгоизма. Тому, кто должен был немного испугаться того, что тут всё может исчезнуть, я могу сказать; речь о том, чтобы рассматривать общечеловеческие задачи. Надо рассматривать и эти вещи, когда они вытекают из групповых эгоистических интересов, причём не следует рассматривать их как некий фатум, некий рок. Гораздо более роковой кажется мне та позиция, которую я мог бы характеризовать как позицию страуса, прячущего голову под крыло, который хотел бы просто закрыться от таких познаний, поскольку они ему неприятны, поскольку он не смеет думать о них, ибо они несут беспокойство. Само собой разумеется, я знаю, что даже здесь могут сказать: всё-таки не надо было бы говорить об этих вещах, так как это может обеспокоить тех людей, которые хотят оставаться нейтральными. – Однако на нашей почве такому беспокойству не место. Мы всё же должны быть готовы к тому, чтобы рассматривать такие вещи, и то, как они развиваются в мире. И если я говорю такие вещи сегодня, то делаю это, предполагая, что вы достаточно разумны, чтобы воспринять эти вещи правильным образом.

ЛЕКЦИЯ ДВАДЦАТАЯ
Дорнах, 15 января 1915

**Действия в человеке Народных Душ как Архангелов.
Теократическое, политическое и коммерческое начала.
Устройство армии. Японский материализм. Английское
происхождение социалистических идей.**

Перевод А. Демидов

Вчера я указывал на то, как духовные члены человеческого существа имеют точку приложения в физическом организме. Эти познания должны будут вливаться в сознание человечества, ибо они являются тем, что должно в истине вести человечество к свету из материалистического мрака нашего времени, того мрака, который будет длиться ещё долго - долго. Однако нить спиритуального познания никогда не должна оказаться полностью оставленной. Об этом всегда должна заботиться, по крайней мере, малая часть человечества. Я уже обращал внимание на то, что именно правильное познание материализма, который со стороны нашей антропософски ориентированной духовной науки, ни коим образом не должен недооцениваться, должно быть по-настоящему освещено, если спиритуально рассматривают такие вещи и, в особенности, человека. На одном примере, как тот, из которого я исходил вчера, вы можете увидеть, что спиритуальная наука целиком и полностью принимает к сведению то, что происходит в человеке на материальном уровне, только спиритуальная наука признаёт к тому же и духовное, и исследует фиксацию духовного в материальном, особенно в человеке. Тем самым избегаются те препятствия, которых следует избегать, и которые состоят в том, что духовное ищет лишь в абстрактных понятиях, у которых нет силы, чтобы проникнуть в то, что создано посредством духовного: в материальное. Духовное не должно жить только в облаках понятий, подобно кукушке, паря над материальным, но должно быть исполненным мощи, интенсивным для того, чтобы иметь возможность проникать в само материальное и в своей духовности иметь возможность показывать, как это духовное в своей реальности является творцом материального. Настоящая спиритуальная наука должна также дать возможность понять материальное, понять жизнь на физическом плане. Вот почему важно обращать внимание на взаимопроникновение, взаимодействие духовного и материального в человеке, - особенно в это время, - когда необходимо правильно понимать вмешательство того, что не является чувственным, вмешательство Народной Души в существо человека.

Я говорил: то, что в повседневной жизни мы мыслим, чувствуем и волим как принадлежащее не просто к той или иной группе людей, а к земному человечеству в целом, связано с твёрдым, земным элементом. И хотя мы имеем в себе всего лишь пять процентов этого твёрдого элемента, - как говорил я, - тем не менее то, что способствует чисто личному познанию, волеизъявлению и интенсивности чувства в мире между рождением и смертью, связано с твердой минеральной составляющей в органах нашего головного мозга; там находится точка приложения для всего этого. - Как скоро мы поднимаемся к тому, что ведёт человек к сверхличному или ниже личного, мы уже не можем обходиться с такими представлениями, которые сообщаются нам посредством твёрдого элемента; эти представления будут сообщаться посредством жидкого элемента. Представления, которые ведут нас ещё дальше в сверхличное или ниже личного, такие, как вмешательство Архангелов в человеческое существо, сообщаются нам посредством воздушного элемента. Этот воздушный элемент является посредником

между этими существами Архангелов с их сферой, и тем, что изживает человек, причем бессознательно, как я указывал на это вчера.

Более, чем на девяносто процентов, мы представляем собой водяной столп, то есть колонну из жидкости, однако эта жидкость в человеке, на которую внешняя наука сегодня обращает ещё слишком мало внимания, является прямым и главным носителем человеческой жизни. И я уже указывал однажды на то, как воздушный элемент посредством водного элемента действует в твёрдом элементе, который фиксируется в головном мозге. Мы делаем вдох; вследствие того, что мы вдыхаем воздух, - то есть, того, что наше тело наполняется воздухом, - орган, который мы называем диафрагмой, опускается. В этом всасывании воздушного потока и всего, что с этим связано, включая и опускание диафрагмы, мы имеем дело с той сферой, в которой действуют импульсы, исходящие из царства Архангелов. И поскольку всё это остаётся в подсознании, в подсознании остаётся и истинный образ действия Народной Души; это действие только, как я говорил вчера, используя сравнение, поднимается как волна, хотя и в совершенно другом виде, нежели живёт она внизу в действительности. Когда диафрагма оттесняется вниз, начинается своего рода застой крови в венах нижней части тела. Вследствие этого поток ликвора, мозговой жидкости через канал спинного мозга отжимается вверх в головной мозг, изливаясь вокруг затвердевшей массы головного мозга; так что в данный момент, вследствие вдоха, ликвор находится в головном мозгу, будучи вытеснен вверх. В этом воздействии пульсации ликвора, мозговой жидкости, заложено всё то, что как импульсы входит в человека из сферы Архангелов, всё то, чего человек может достигнуть как представлений, ощущений, поднимающих его в сверхличное или ниже личного, то есть связывает его с силами, выходящими за пределы жизни и смерти. И в самом головном мозге мозговая жидкость, ликвор, наталкивается на твёрдое.

Параллельно этому протекает процесс, состоящий в том, что в нашем жидком элементе волнообразно колышутся представления, понятия, ибо представления и понятия являются духовными сущностями, которые подобно волнам вздымаются в водном элементе. В качестве наших повседневных, относящихся к чувственному миру представлений они проявляются вследствие того, что наталкиваются на твердое, отражаются от твёрдого назад, и благодаря этому входят в сознание.

Когда же мы снова выдыхаем, тогда вследствие этого в кровеносных сосудах наступает застой, и ликвор, мозговая жидкость по каналу спинного мозга оттесняется вниз в нижнюю часть тела. Она может войти туда, так как вследствие выдоха диафрагма поднимается и благодаря этому образуется пространство для сливания ликвора вниз в нижнюю часть тела. Мышление, представления и так далее, не являются тем процессом, о котором грезят сегодня науки - анатомия и физиология, как о чисто мозговом процессе. Мышление и представление зависят от того, что происходит в мозгу как отражение от твёрдого, они связаны с тем, что больше не отражается, но остаётся в жидком элементе и оттуда, на окольном пути через дыхание, упорядочивает влияние газообразного элемента. Это тоже окольный путь, на котором передаётся всё, что связывает нас с климатом, с земными условиями, определяемыми территориально, с иными

внешними влияниями, связанными с дыханием. В том, что никогда не втекает в сознание, в процессе дыхания, который есть ни что иное, как волнующееся море, волнообразно вздымается духовная реальность. Процесс дыхания связан с головным мозгом на окольном пути через ликвор.

Тут вы имеете манифестацию материального процесса, относящегося ко всему человеку, вы познаёте его как откровение духа, который облекает нас повсюду точно так же, как воздух или влажность. Благодаря настоящему пониманию этих материальных процессов, вы сможете заглянуть в то, как действует на человека земное окружение со своей, находящейся в нем духовностью; как человек, как нечто духовно-физическое, вырастает в духовно-физическое своего земного окружения, своей земной среды. Воздух, вода и тепло, окружающие нас, есть, ни что иное, как тело для духа, точно так же как наши мускулы и нервы являются телом для духа.

Сейчас я привожу эти вещи, поскольку благодаря этому можно увидеть, какие ещё скрытые от современного познание процессы лежат в основе человеческой жизни; ведь задача пятой послееатлантической эпохи состоит в том, чтобы сделать эти процессы объектом настоящего познания. Всё преподавание, вся педагогика, все занятия людей, но также и вся человеческая внешняя жизнь в ходе пятой послееатлантической эпохи должна проникнуться этими познаниями. Надо знать, как то, что сегодня в материалистических кругах рассматривается как наука, должно постепенно вместе со своими жизненными последствиями исчезнуть из жизни на Земле. И вся борьба, которая ещё будет вестись в пятую послееатлантическую эпоху, будет лишь внешним выражением той духовной борьбы, как и нынешняя борьба, в конце концов, является внешним выражением противоречия между материализмом и спиритуализмом. Ибо, как бы не были скрыты эти вещи, за бесконечно трагичными событиями современности лежит борьба материализма против спиритуализма. Эта борьба должна быть доведена до конца. Она будет принимать различные формы, но она должна быть доведена до конца, поскольку люди должны научиться переносить всё то, что надо перенести, для того, чтобы овладеть спиритуальным мировоззрением для шестой послееатлантической эпохи. И можно сказать: должно быть ещё многое выстрадано, но лишь из боли и страдания возникнет то, что по-настоящему свяжет познание с нашим «я»; ибо с другой стороны, со всем тем, чем является в мире материалистическое воззрение, связано и материалистическое построение жизни, которое сегодня только в начале, но которое ещё примет бесконечно более страшные формы.

Материалистическое построение жизни особенным образом начинается с того, что в первую очередь как познаваемое рассматривается только материальное; но это построение жизни до известной степени ведёт и к тому, что люди в жизни ценят только материальное. Однако это зайдёт дальше, значительно дальше, станет гораздо интенсивнее. Ибо пятая послееатлантическая эпоха должна будет изжить себя. В разных областях она должна придти к, своего рода, высшей точке. Ибо лишь на своём противоположном полюсе спиритуализм может познаваться с той интенсивностью, с которой он должен познаваться, когда человечество должно будет созреть для перехода в шестую послееатлантическую эпоху. Поэтому вы не должны

бояться следовать в основном спиритуальном направлении, которое предоставляется как возможность для понимания внешних фактов мира. Ведь первой задачей и обязанностью для спиритуально стремящегося человека является – понять ход человеческого развития вплоть до современности, понять вероятный ход развития в будущем в спиритуальном направлении. Мы часто говорили о том, что как наследие оставалось от конца истекшего в 15 столетии четвертого послеатлантического периода. Мы говорили о том, что пятый послеатлантический период предназначен к тому, чтобы полностью привести к развитию душу сознательную.

Именно душа сознательная у человека должна глубоко смыкаться со всеми материальными событиями, со всем, что связано с материализмом. Мы видели, как в четвертую послеатлантическую эпоху с 8 столетия до Р.Х по 15 столетие после Р.Х в мире постепенно становился господствующим греко-римский элемент: сначала в том, что обычно называют Римской Империей, затем в римском папстве, которое достигло высшего пункта своего господства в 13 и в начале 14 века. Это было как бы начало пятого послатлантического периода; это было начало первого крушения римско-папского господства. В то же самое время это является началом того импульса, под влиянием которого стоят наши нынешние траурные события. И в сущности, никто не может понять, что происходит сегодня, если он не рассматривает эти вещи по большому счёту, в более крупном масштабе. Ибо в печальных событиях сегодняшней Европы принимают участие, в сущности, все европейские народы. Кто хочет знать, должен по необходимости видеть импульсы, которые долго подготавливались и сегодня в некотором смысле впервые излились наружу.

Поэтому сегодня мы хотим, я бы сказал, обобщая, соединить далеко отстоящее с близлежащим. Вспомним сначала, что мы однажды сообщали о том, как южные народы, итальяно-испанское население, создавая государство, отобразили своего рода последствие третьей послеатлантической эпохи, само собой разумеется, с включением всего наследия четвертой эпохи. Вам надо только исследовать всю структуру итальяно-испанского развития, как она выявлялась на повороте от четвертой к пятой послеатлантической эпохе, чтобы увидеть, что в нём ещё содержится то, что было бы правомерно и современно для третьей египетско-халдейской эпохи. Именно в той форме и в том виде, как, исходя из Рима и Испании, в качестве религии осуществлялся культ, заимствованный из египетско-халдейского элемента, имеем вы пережиток отставшего египетско-халдейского начала, которое затем в 13 веке (по Р.Х) достигло своего апогея. Если мы хотим одним выражением, которое может быть понятно нам сегодня, – ведь слова в разное время понимаются по-разному, – обозначить то, что, исходя с юга Европы, достигло в 13 столетии своего апогея как папство, – папство, которое фактически тогда распространилось над всей европейской культурой и господствовало над нею, – то мы должны будем сказать, что это, в сущности, культово-иерархический, церковный элемент. Этот культово-иерархический, церковный элемент, в который, как в затопивший Европу романский католицизм, превратилось римское начало, латинство, являлся одним из импульсов, последствие которого, как отставший импульс, прошло через весь пятый послеатлантический период, проявляя своё остаточное

воздействие особенно в первой трети этого периода. Вы можете, я мог бы сказать, вычислить, как долго это будет продолжаться. Вы знаете, что один послеатлантический период, одна эпоха длится примерно две тысячи сто шестьдесят лет; одна треть составляет семьсот двадцать лет. Итак, вы, начиная примерно с 1415 года, имеете главное действие до 2135 года, так что последние потоки иерархического романизма, латинства должны будут продлиться до начала третьего тысячелетия. Это то последствие, в котором импульсы четвертой послеатлантической эпохи осуществлялись в форме третьей эпохи. Однако эти вещи действуют все одновременно; также и другие импульсы действуют совместно с этими. Свой собственный апогей романский католицизм имел уже в 13, 14 столетиях.

Взглянем на то, как он протекал дальше. В этом случае мы должны его действие до 13 века, когда он действительно был ещё правомерен, поскольку тогда была ещё четвертая послеатлантическая эпоха, отличать от того, что последовало затем, когда он принял иной характер, характер отставшего импульса. Он пытался распространиться. Как же он распространялся? Он распространялся значительно. Мы видим, как то, что постепенно в новое время созревало как государственные образования, государства, более или менее проникаются романским католицизмом. Мы видим, что созревающее английское государственное образование, государство в начале пятой послеатлантической эпохи сначала находится целиком в руках романского католицизма. Мы видим, как Франция и остальная Европа в отношении своих представлений и жизненных импульсов находится в лапах этого романского иерархически-культового элемента. Если мы хотим характеризовать то, что живёт здесь, мы должны сказать: существует стремление, исходя из Рима пропитать, пронизать культуру Европы этим иерархическим церковным элементом вплоть до того вала, который она сама создала себе в Восточной Европе. - Однако замечательным образом такое стремление, если оно представляет собой отставший импульс, принимает внешний характер. У него больше нет силы для развития внутренней интенсивности, из-за чего оно принимает внешний характер. Оно главным образом разливается в ширину и не имеет силы идти в собственные глубины. Поэтому как достойное внимания, мы видим, что римский иерархизм становится всё интенсивнее, всё больше идёт в ширину, но в тех странах, откуда он излучается, он подрывает собственное население, не даёт внутренней жизни.

Вы видите, как начинаются эти вещи. Повсюду вовне в различных формах распространяется романское начало, романизм, в то время как в Италии, в Испании он сам подтачивает население. Представьте себе, что за странное христианство жило в Италии, когда папство предстояло в полном блеске. Это было то христианство, против которого звучали громовые слова Савонаролы. В отдельных индивидуальностях как в Савонароле, несомненно, жил импульс Христа; но эти индивидуальности считали необходимым подтачивать основу и почву этого официального христианства. И если бы кто-то сделал наброски истории о том, что происходило в исходном пункте этого влияния, он бы сказал: власть романского элемента пошла вширь, но христианское чувство в самом исходном пункте этого влияния было подорвано. Это можно доказать вплоть до отдельных подробностей, и правда состоит в

том, что оказывая влияние, излучаясь, дело уничтожалось в себе самом. Таков был ход жизни. И как человек, становясь старым, истощает свои силы, так истощаются и культурные феномены, если в своей собственной сущности они идут вширь и подрывают себя.

Я уже сообщал вам при других обстоятельствах, как французский государственный элемент в некотором роде представлял собой своего рода возобновление, новое поднятие четвертой послеатлантической эпохи в пятой. Тут мы имеем дело со вторым излучением, влиянием. И, как для южного элемента мы пытались подобрать понятное слово в выражении «культово-иерархический-церковный» - то есть то, что стремится основать в Европе универсальную монархию церкви, теократию, - так и теперь мы попытаемся подобрать понятное для современности слово для того культурного элемента, который переносит культуру души рассудочной из четвертой послеатлантической эпохи в пятую послеатлантическую эпоху. Если хотят найти слово, которое охватывает в себе все исторические элементы, если имеют добрую волю для того, чтобы найти слово, соответствующее фактам, соответствующее действительности, чтобы обозначить то, что было внесено в пятую послеатлантическую эпоху элементом французской государственности, то мы должны сказать: это универсально-дипломатический элемент. И всё, что связано с этим универсально-дипломатическим элементом, связано также с тем, что происходит из собственного французского государственного элемента. Не напрасно французский язык является до сих пор дипломатическим языком. И вплоть до мелочей каждый освещает исторический ход, если находит, что точно так же как из Рима и Испании излучалась универсальная теократия, из Парижа излучается универсально-дипломатический элемент.

Замечательно то, что, хотя и в меньшей степени, чем в случае испано-итальянского начала, - поскольку речь идет о поднятии не столь далеко отстоящего позади элемента, - в случае французского элемента с его излучением тоже сопряжено подавление первоисточника. Особенно интересно, как рассматривается в этом свете история. Возьмите ту форму, в какой, преобразуя старые импульсы в дипломатически-политическое начало, великие французские государственные мужи как Ришелье, Мазарини, и так далее, инаугурируют и продвигают мировую дипломатию. Слуги Людовика XIV мыслят в европейском масштабе, не во французском, и рассматривают себя как само собой разумеющихся властителей Европы в отношении дипломатии, в отношении универсального дипломатического элемента. Тут всегда один элемент принимает импульс другого. Не напрасно политики-дипломаты, как кардиналы стояли рядом с французскими королями, когда французское государство переживало свой апогей.

Однако тот, кто исследует историю Франции именно в это время, найдёт, что те заботы, которые по всей Европе были предметом дипломатии, отбирали бесконечно много сил из области народного хозяйства, финансов, а также и у остальной культуры собственной страны, они подрывали её вплоть до отдельных случаев. Конечно, желая увидеть эти вещи, не следует рассматривать их в свете национальных предрассудков, надо рассматривать их во всей их истине, непредвзято и объективно. Отсюда и то разрастание в народе

революционного элемента, которое могло возникнуть как следствие такого подрыва, и которое привело к противоположности тому, что наиболее соответствовало французскому государству – королевскому началу. (*то есть привело к республиканству – примеч. перев.*) Параллельные явления революционного характера, вспыхнувшие потом как революции в Испании и Италии, не связаны с указанными причинами. Но можно сказать: именно в революции выявилось то, как в этом французском элементе действует контраст между заботами в связи с европейской дипломатией, и гораздо меньшей заботой о собственной стране. – Ведь мы не должны забывать, что в то же самое время в связи с пятой послеатлантической эпохой начинается распространение культуры по всей Земле благодаря открытиям на Земле новых, доселе неизвестных областей. Мы видим, как государства, граничащие с морем, основывают свои морские силы, свой флот. Когда французский дипломатический элемент распространил свои заботы по всей Земле, в этом участвовал и французский флот – это вы можете подробно исследовать в истории. Но он имел свой противоположный полюс в том, что, не будучи предметом заботы, бушевало внутри (страны), и затем вылилось в революцию. Отсюда та странность, что по мере разрастания революции французским, морским силам уделяли всё меньше внимания, пренебрегали ими. Вы можете увидеть, как в то время, когда разрасталась французская революция, флот становился всё меньше и меньше, и морскими силами совсем пренебрегали. Но это имело значительные последствия. Когда французский элемент от времени республики снова вернулся к тому, что наиболее соответствовало ему, – к цезаризму Наполеона, то именно в связи с персоной Наполеона развилось сильное противостояние по отношению к третьему началу, тому, которое соответствовало пятой эпохе; это противостояние Франции и Англии, которое долго готовилось, но именно в личности Наполеона приняло совершенно иной характер, нежели прежде.

Что видим мы как, в высшей степени замечательное, во всех волнениях наполеоновского времени? Кто изучает то, что жило в отношениях Наполеона с Европой, видит значительное противоречие между Наполеоном и Англией. Однако Наполеону не доставало того, что не удалось сохранить в революционном наследии, того, чего ему в некотором смысле и должно было не доставать – это «должно» я говорю в том смысле, как говорят об исторических необходимостях – не доставало, чтобы реализовать противостояние второго элемента против третьего, французского против английского: ему не хватало флота! Желая строить гипотезы, которые уместны в истории лишь ради её понимания, можно было бы вполне прибегнуть к такой: имей Наполеон собственную сильную морскую державу, флот, который он мог бы соединить с другими морскими державами, с которыми он был связан, он не был бы побежден Англией на море, и вся история пошла бы иначе. Но военно-морских сил он от революции не получил. Тут мы видим, как граничат между собой два элемента, которые из третьей и соответственно, четвертой послеатлантической эпох перенесены в пятую.

Тем самым мы имеем третье начало, которое, в сущности, соответствует пятой послеатлантической эпохе, и которое вырабатывает культуру души сознательной: это английское, британское

начало. Точно также, как элемент души ощущающей, который говорит в теократическо-культовом начале посредством итальянского и испанского элементов, - душа ощущающая живёт не в сознании, - так французскому элементу соответствует политико-дипломатическое начало, а британскому - коммерческо-индустриальное начало. В нём душа человека полностью изживается на материале физического плана. Мы только должны зафиксировать существенную разницу: с претензиями на мировое господство папизм мог выступать лишь по определенной причине. Видите ли, имеется четвертая послеатлантическая эпоха (изображается на рисунке); приходит первый член, «А», пятой послеатлантической эпохи - это папистско-иерархический элемент. Он ещё стремится стать своего рода универсальной монархией по той причине, что он до некоторой степени является продолжением универсальной Римской Империи. Теперь «В»: культура души рассудочной. Хотя она тоже стремится к универсализму, но этот универсализм имеет слишком идеальный характер, и самым важным в распространении французского элемента является, всё же не владычество, не завоевание, которые выступают лишь в качестве сопутствующих явлений, но пронизание мира политическим духом, политико-дипломатическим мышлением и чувством, тем политико-дипломатическим мышлением, которое живёт не только во французской дипломатии и политике, но и в литературе, и даже в остальных частях французского искусства. Но если хотят говорить об универсальной монархии или чём-то подобном, то приходится говорить лишь о, своего рода мечте об универсализме. И марширование на пике цивилизации тоже выражает эту мечту.

И напротив, мы приходим к третьему, к «С», оно согласуется со всей пятой послеатлантической эпохой, которая, со своей стороны приводит к проявлению души сознательной, тому, что как специальная составляющая соответствует британскому элементу, особому носителю души сознательной в эпоху, когда особенным образом должна развиваться душа сознательная. Отсюда претензии британского элемента на универсальное коммерческо-индустриальное мировое господство.

Мои дорогие друзья, вещи, имеющие основу в духовной жизни, проявляются во всей полноте. Им гарантировано такое проявление во всей полноте, изживание себя. Не считайте, что можно морализировать или теоретизировать по этому поводу; они проявляются во всей полноте, они становятся реальными. Поэтому никто не должен полагать, что миссия британского народа реализуется не вследствие с необходимостью действующих внутренних причин; эта миссия состоит в том, чтобы основать на Земле коммерческо-индустриальную универсальную монархию. Эти претензии вытекают из реальности. Эти вещи следует познавать как заложенные в мировой карме. То, что говорят, и то, что думают люди, является лишь откровением стоящих позади духовных сил. Поэтому никто не должен полагать, что британская политика изменится в моральном отношении и из особого уважения к миру дистанцируется от своих претензий на коммерческо-индустриальном уровне заполучить в свои руки весь мир. Вот почему нам не стоит удивляться тому, что видящие эти вещи основывали общества, которые исходили из того, чтобы единственно осуществить нечто подобное, причём осуществить средствами, которые в то же

время являются и духовными средствами. Тут начало недозволенной совместной игры. Ибо, само собой разумеется, оккультные принципы, оккультные средства, оккультные импульсы использовать в качестве двигателя, мотора нельзя именно в пятую послеатлантическую эпоху, ибо она должна быть чисто материальной культурой. Спорность действий, их уязвимость начинается в тот момент, когда за распространением чисто материальной культуры стоят оккультные импульсы. Но именно это имеет место, как я вам уже сообщал. Хотят основать мировое господство не только посредством того, что предлагается как силы на физическом плане, но хотят продвигать эту культуру с оккультными импульсами, импульсами, которые находятся в мире, не будучи проявленными, открытыми. Тут оккультные средства работают не для блага всего человечества, а лишь для блага одной группы. Вы основательно поймёте многое, если такую обзорную точку зрения, которую я вам предоставляю на основе глубоких познаний, увяжете с повседневными событиями.

Есть многочисленные и достойные признания идеалисты, - я тут ни в коем случае не шучу, поскольку идеализм достоин признания всегда, даже если он ошибается, - которые верят в то, что сеть коммерчески-индустриальных мероприятий, распространённая Британской Империей по многим странам будет существовать лишь до тех пор, пока длится война, и что затем люди снова получат свободу в своём коммерческом общении. Отвлекаясь от некоторых иллюзий, которые пробуждаются вследствие «междоусобицы», вследствие того, что делается, чтобы люди не сразу насторожились, то, что в это военное время началось по всему миру как контроль над коммерческим общением, не следует мыслить так, что после войны он снова исчезнет; его надо мыслить так, что он, начавшись вместе с войной, продолжится и дальше. Война всего лишь дала повод, чтобы сунуть нос в деловые бухгалтерские книги людей, но отнюдь не следует верить, что этот нос, засунутый в деловые книги, после войны исчезнет - я символически имею в виду то, что должно произойти в широчайших размерах. Имеется в виду, что коммерческое мировое господство станет всё интенсивней и интенсивней.

Всё это я говорю не для того, чтобы кого-либо агитировать, но только лишь для того, чтобы из импульсов мировой истории стало ясно то, что существует. Только познание того, что существует, может привести человека к тому, чтобы он поступал соответственным, правильным образом. Также вполне может произойти, что та европейская карта мира в известных оккультных братствах проявится в том виде, в каком я смог вчера нарисовать её вам на доске. Я настоятельно подчёркиваю: эту карту я смог ретроспективно проследить до восьмидесятых годов 19 столетия. Насколько далеко уходит она назад, я не знаю. Я говорю только то, что я знаю; только то, о чём я могу сказать с уверенностью. Вот почему я ничего не говорил о скандинавских штатах, о скандинавских государствах, поскольку я не знаю, касаются ли их какие-либо предназначения. Я строго ограничиваю себя и в том, что я знаю, и особенно подчёркиваю это в данных обстоятельствах, несмотря на то, что это является принципиальными положениями, которые я при любых обстоятельствах исследую.

Вы также должны принять то, что эта карта, то есть это разделение европейских соотношений, имеет тенденцию служить созданию коммерчески-универсальной монархии. Европа должна быть организована так, чтобы можно было основать коммерчески-универсальную монархию. Я не говорю, что это должно произойти уже завтра; но вы видите, что деление на части продвигается. Вы только сравните нынешнюю ноту Вильсона с этой картой Австрии, и вы будете иметь точную копию карты. Относительно Швейцарии там сегодня ещё ничего не сказано; этот аванс потребуется позже. Но и она рассматривается в том ряду, который уже соответствует карте, нарисованной мною вчера.

Это разделение Европы, которое задается здесь, подходит для того, чтобы достичь коммерческого мирового господства. Вы можете исследовать подробности на этой карте, и вы увидите, что эта карта придумана для того, чтобы основать то, о чём я только что сказал. Я сказал: коммерческое мировое господство; - ибо нет необходимости с самого начала владеть всеми территориями, но достаточно аранжировать их так, чтобы они, как говорится, попали в сферу влияния. Затем всё это очень хитро устраивалось, чтобы в сферу влияния заполучить именно те области, которые я вчера заштриховал желтым цветом, как особо интересующие британцев; окраинные, пограничные области. Для того, чтобы другие люди ещё оставались в состоянии благодушия, в некотором идеализме, дело ведется так, чтобы иметь коммерческое господство, а другим предоставлять до времени играть с территориями. Но сферы влияния будут расположены так, как это обозначено. Дело тут не в том, будет ли Бельгия, или Франция существовать к 1950 году в своих границах, но дело в том, какую власть будут иметь бельгийцы в этой Бельгии, какую власть будут иметь французы в этой Франции, и какую власть будут иметь британцы в Бельгии или во Франции. Для утверждения коммерческого мирового господства не является необходимым сразу же стремиться к захвату территорий. Но нам должно быть, прежде всего, ясно, что это коммерческо-индустриальное мировое господство существует. Это основание чего-то очень важного.

Я должен был бы прочесть целый ряд лекций, если бы стал обосновывать всё это в подробностях. Но сделать это было бы можно, ибо то, что я вам говорю, глубоко обосновано. Но сегодня я могу лишь указать вам на это. Если хотят утвердить коммерческо-индустриальное мировое господство, надо основные области, которых это касается, прежде всего, разделить на две части. Это связано с природой коммерческо-индустриального начала. Я могу выразить это только с помощью сравнения: то, что происходит в мире физического плана, всегда надо держать разделенным на две половины. Представьте себе учителя без ученика - этого не бывает. Так не может быть и коммерческого, без области, противостоящей коммерческому. Поэтому точно так же, как по одну сторону основывается британская коммерция, создается и нечто русское как принадлежащий сюда же противоположный полюс. Для того, чтобы задать соответствующую дифференциацию между покупкой и продажей, для того, чтобы задать циркуляцию, необходимы две области. Нельзя сделать весь мир единым государством; так как не может быть основано коммерческое мировое царство. Это не в точности то же самое, но сходно с тем, что если

человек что-то производит, он нуждается в потребителе; иначе он ничего производить не сможет. Так должно существовать расщепление надвое. И то, что делу следует дать такой ход, есть крупная, гигантская мысль тех оккультных братств, о которых я говорил. Это всемирная, гигантская мысль – создать противоположность по отношению к которой всё остальное – всего лишь мелочь; это противоречие между британской коммерческой империей и тем, что выступает из русского элемента наряду с обусловленной спиритуальными задатками подготовкой к шестой послеатлантической эпохе, наряду со всем тем, что я вам описал. – Это великая, гигантская, достойная удивления мысль тех оккультных братств, о которых говорилось. Ибо, выражаясь тривиально, едва ли можно было придумать более прекрасную мысль для того, что, в сущности, образует на Западе как высочайший расцвет коммерческого и индустриального мышления, чем мысль о том, что будущие русские славяне, которые в будущем, совершенно несомненно ещё менее, чем сегодня, будут склонны профессионально заниматься коммерцией, – вследствие этого они и могли бы стать весьма отличным противоположным полюсом.

Однако речь идёт о том, что, само собой разумеется, такая империя должна оговаривать условия своего собственного существования. Это было глубокой мыслью Спенсера и его предшественников, которые всегда подчёркивали: коммерческо-индустриальное начало, внедрившееся в народ, не хочет иметь дело с войной, оно существует для мира, нуждается в мире и любит мир. – Это совершенно верно: существует глубокая любовь между тем, что имеет тенденцию к коммерческо-индустриальному и мирному началу в мире. Только вот любовь к миру принимает иногда странную форму. В нынешней ноте Вильсона живёт нечто достойное внимания. Несмотря на то, что только что на карте было нарисовано, чем станет Австрия – вы увидите, что происходит с Австрией, если посмотрите на карту, нарисованную в полном соответствии с нотой, – несмотря на это, нота Вильсона отваживается на высказывание: то, что живёт в среднеевропейских народах как политическая общность, не будет как-либо затронуто. – Тут тоже имеет место «гигантизм», гигантизм в абсолютно фривольном обращении с истиной, ибо обычно, если и говорят что-то неправдивое, то о чём-то хотя бы находящемся вне данного документа; здесь же на одном и том же листе говорится о двух вещах: мы раздробим государство в Средней Европе, но мы ему ничего не сделаем. – Газеты хором сопровождают эту ноту, они пишут: увидим, примут ли силы Средней Европы такие приемлемые условия. – Можно прочесть повсюду: силы Антанты поставили свои условия; увидим, будут ли эти вполне приемлемые условия жестко отвергнуты силами Средней Европы. – На деле это идёт дальше, но это можно прочесть.

Проследим эту мысль, куда она заведёт нас. Мы имели дело с расщеплением мира, и речь идёт о том, чтобы провести это расщепление так, чтобы можно было сказать всему свету: мы хотим мира, действуем только для мира. – Это соответствует известному рецепту, по которому теперь пишется очень многое, нечто такое, как если бы кто-то сказал: я не хочу сделать тебе ничего плохого, я даже пальцем тебя не трону, но я запру тебя в глубокой подвал и не дам тебе есть! Разве я тем самым причиню тебе хоть самое малое? Разве хоть один человек сможет сказать мне, что я тронул тебя хоть одним

пальцем? - По такому рецепту теперь формируется очень многое, по такому рецепту формируется и та любовь к миру, то миролюбие, несмотря на то, что оно является некой реальностью. Но если это миролюбие в то же самое время сочетается с претензией на коммерческое мировое господство, оно становится неприемлемым для других, использовать его совершенно невозможно. Таким образом, для этого миролюбивого коммерческого начала в будущем его миролюбие станет до некоторой степени помехой. - Само собой разумеется, об этом знают также и те, кто так делит мир, поэтому им необходим некий вал, барьер между сторонами. Этим валом должна стать большая югославская конфедерация, которая, включая Венгрию, охватит всё то, на что я указывал вам вчера: это должно будет содействовать миру. Вид и форма, в которой Британская Империя относится к Средиземному морю, посредством указанных мною сфер влияния, показывает, что к этой Югославской конфедерации вполне могут присоединить Константинополь и все возможное. Однако такая конфедерация будет простирается лишь до Средиземного моря, поскольку на Западе Средиземное море можно при желании запереть (*имеется ввиду Гибралтарский пролив - примеч. перев.*). Короче, вплоть до отдельных подробностей вы можете исследовать эту гигантскую, величественную мысль, заложенную в этой карте. Сегодня не хватит времени, чтобы войти во все эти отдельные подробности. Однако это гигантская, величественная мысль оставляет для Франции свободными только южные гавани, выходящие в Средиземное море, а все остальные намерена заполучить в свою собственную сферу влияния. Это, в сущности, означает, что французская колониальная Империя, Франция, основанная под чужим протекторатом, будет иллюзией; она тоже окажется в сфере влияния. Если вы всё это исследуете, вы увидите, каким гигантским образом из того, чем является культура души сознательной, должно осуществиться то, к чему стремятся эти оккультные школы.

Происходят вещи, которые соответствуют известным импульсам. Ибо в мировой истории и мировой эволюции правит необходимость. Эти вещи происходят. Однако они происходят так, что силы действительно воздействуют друг на друга. Как в электричестве не может существовать положительное без отрицательного, но противоположности с потенциалами разных знаков действуют друг на друга, так обстоит дело и в том, что происходит с человечеством. Если обращают внимание на эти вещи, следует вести рассмотрение, свободное от ханжеской морали. Оно оберегает человека от вопроса: почему должно произойти нечто? - В миссию некоторого элемента заложено то, что нечто должно произойти, и то, что развивается, должно развиваться. Но при этом должна быть и противоположная часть, противоположный полюс, по отношению к тому, что стремится к этим вещам. Это тоже должно быть. И если мы теперь ещё раз рассмотрим эти вещи по большому счёту, крупным планом, то увидим, как, исходя от периферии, действует то, что было характеризовано выше как те три части, три члена.

Теперь посмотрим назад в сторону центра. Речь идёт о том, что тут находится эта противоположная часть, этот противоположный полюс, для того, чтобы могло происходить своего рода торможение. Это торможение столь же необходимо, как необходимо другое. И столь же мало, как я

порицаю одно, хвалю я другое; я всего лишь описываю импульсы, факты. Мне нисколько не приходит в голову бросаться пренебрежительными моральными суждениями относительно того, что я описываю как необходимость, исходящую из всего характера пятой послеатлантической эпохи. Мир материальной, индустриальной, коммерческой культуры не является чем-то плохим, он всецело представляет собой необходимость. Но должен быть и противоположный полюс, ибо развитие человечества не может идти вперёд так, чтобы эволюция шла просто по прямой линии. Должно иметь место взаимное столкновение противоположностей, и в их взаимном столкновении возникает реальность. И в Средней Европе всегда был необходим набор импульсов, которые частично работали вместе с импульсами, излучающимися в сторону периферии, таким образом, который я вам уже изображал, но частично во многих отношениях имели трагическую судьбу, будучи вынуждены противопоставить себя тем импульсам.

Конечно, эти импульсы излучаются из Средней Европы и реализуются в разных местах во многих отношениях. Но кто посмотрит точнее, тот обнаружит в Средней Европе противоположностей по отношению к импульсам, только что описанным мною. Вы только представьте себе, как в Средней Европе, прежде всего, выступила оппозиция против культово-теократического испанско-итальянского Юга, как эта оппозиция в лице Лютера достигла известного апогея, высшего пункта, тогда как наибольшая глубина была достигнута в среднеевропейской мистике. Так правильно сливалось то, что было не только немецким, не только германским, но в чём славянское и среднеевропейское начало действовало друг в друге. Здесь не хотели иметь христианство папского иерархического импульса, хотели дать действовать более внутреннему христианству, которое притеснялось на Юге. *Савонарола* был просто казнён. Это внутреннее начало жило в *Иоганне Гусе*, как и в происходившем из англо-германского начала *Виклефе*, как в *Цвингли*, как в Лютере. Но свой наиболее глубокий элемент они имели в среднеевропейской мистике, которая, впрочем, была очень близка славянскому элементу. Именно в этом отношении вы можете увидеть, как замечательным образом, выполнялись эти вещи. Ибо Средняя Европа с проникшим в неё славянством является в некотором роде оппонентом периферии, и, несмотря на политическую разрозненность, славянство, восточное начало действовало совместно со среднеевропейским. И даже в оккультном отношении это удивительным образом действовало совместно.

Мы видим, как на Юге всё больше и больше развивается известный материалистический элемент, который переживает свой апогей в таких людях как *Ломброзо*. Этот материалистический элемент мы видим также на периферии, причём он задаёт там тон. Вплоть до Оливера Лоджа, о котором мы говорили в последнее время, мы видим, как в спиритуализм вторгается материалистическое начало. Но с другой стороны мы видим, как этому противостоит то, что эмансипировалось от романско-иерархического. Тут за коренным немцем *Кеплером* стоит поляк *Коперник*; в особенности славянские мыслители стоят за германскими. Я мог бы сказать: мы на физическом плане видим связь среднеевропейских славян: Гус - чех, Коперник - поляк, и другие - можно было бы упомянуть и других, - они образуют связь и над

физическим планом. Но вы видите так же, как в Средней Европе славянский элемент срастается с германским элементом вы видите тут восточнославянский элемент в его срастании с Европой. Но это видно только в том случае, если рассматривают оккультные отношения.

Чтобы привести только один пример: душа *Галилея* снова живёт в русском *Ломоносове*, и русский Ломоносов является во многих отношениях основателем славянской культуры на Востоке. Тут между ними лежит духовный мир, так, что можно сказать: среднеевропейские славяне ещё на физическом плане связаны с людьми Запада. То, что лежит за этим, связано с людьми Запада посредством высших планов.

Этому вполне соответствует тот факт, что русский элемент следует после по отношению к славянскому, этому также соответствует то обстоятельство, что отношение западных славян к западной Европе надо мыслить иначе, нежели отношение восточных славян. И только в том случае, если мыслят не в смысле поступательного общечеловеческого развития, а в смысле англоязычной Империи, желают включить поляков в русское государство.

Именно в этом пункте вы видите разницу между мышлением, которое думает лишь об отдельной группе людей, и мышлением, которое думает об общечеловеческом благе. Мышление, направленное на общечеловеческое благо, никогда не стало бы включать польские области в Российскую Империю. Ибо западные славяне в соответствие со своими глубинными задатками замечательным образом включены в Среднюю Европу. Сегодня я не могу говорить об изменчивой судьбе польского народа, я лишь хочу сказать, что вершиной духовной культуры польского народа является польский мессианизм, который, - каждый может думать о реальности, как он хочет, - содержит идеи. Эти идеи коренятся в духовном чувстве, в духовном представлении, и направлены на то, чтобы из польской народной субстанции дать человечеству то, что является содержанием польского мессианизма. Тут вы до некоторой степени имеете гностический элемент, который соответствует одному из трёх душевных членов, которые должны от западных славян влиться в Среднюю Европу.

Второй элемент мы имеем в чешском начале, которое не напрасно имеет своего *Яна Гуса* из Гуссинца; тут мы имеем второй член души, из славянства выдвинутый в Среднюю Европу. А третий член находится в южных славянах. (*Имеется в виду душа сознательная у чехов, душа рассудочная у поляков и душа ощущающая у южных славян - примеч. перев.*) Эти три душевных члена выдвинуты как три культурных полуострова, и они совершенно не относятся к восточноевропейскому славянству. Именно ради того, чтобы иметь известные рамки, в которых западные славяне в соответствие с их собственными стремлениями могли бы достигнуть расцвета, возникла Австрия, Австрийская Империя, - внешне, на физическом плане посредством заключения (династических) браков, внутренне же посредством того, о чём я только что говорил, - она должна была сплавлять, амальгамировать немецкие и западноевропейские народности. Но не ради принципа власти! Тот, кто знает Австрию второй половины девятнадцатого века, найдёт смешным то, что в отношении к Австрии и принципа власти говорится в нынешней ноте Вильсона. Само собой разумеется, эти отношения тяжелые. Но то, что отыскивались возможности, чтобы дать каждой славянской индивидуальности, и вообще каждой народной

индивидуальности развивать действительную свободу в Австрии, знает каждый, кто знаком с австрийской историей 19 столетия. Но всего этого в этой ноте не имеется. Надо всего лишь взять в руки элементарный учебник по истории, чтобы увидеть, как те земли, которые теперь Италия требует у Австрии, никогда не были под итальянской властью. И, тем не менее, в этой ноте стоит: итальянцы требуют областей, которые принадлежали им когда-то. - В этой ноте речь вообще не идёт об истине, но о том, что говорят, чтобы высказаться в расчёте на то, как вследствие магической власти современной журналистики, люди будут вынуждены всему этому поверить. Но и с этим считаются не всегда. Но именно это относится к магическим средствам известных обществ, которые соответствующим образом рассчитывают на силу журналистики. Именно потому, что Австрия под поверхностью внешней истории готовилась к миссии, о которой я говорил, она была противником, противоположным полюсом ко всему масонскому, которое как раз на Западе распространяло те формирования, которые я характеризовал в последние недели. В Австрию масонство войти никогда не смело. Оно лишь едва-едва начиналось, - тогда как оно жило в Средней Европе, - но именно в той форме, которую я уже характеризовал, - по ту сторону Лейты (*приток Дуная - примеч. перев.*); там кое-что существовало.

Конечно, существуют и другие импульсы, которые, как вы видели, ведут к тому, что правление осуществляется мягко, чтобы среднеевропейские народы в политическом смысле не пришли в упадок. Но именно на это направлены военные цели и мирные предложения, которые сейчас делаются. Но то, что таким образом свалилось на Австрию, вы могли бы частично объяснить себе из тех противоречий, которые всегда существовали между Австрией и западноевропейским масонством, и которые, в сущности, ведут назад ещё до времени Максимилиана I (1459-1519). Само собой разумеется, он украсил себя разными делами, и на то, что я скажу, можно легко возразить, поскольку дела эти на физическом плане замаскированы, ведутся с осторожностью.

Мы видим, что Средняя Европа ради человечества должна была обороняться, ибо должна была представлять собой противоположный полюс против импульсов, приходящих с Запада. Это в свою очередь обусловило то, что среднеевропейское развитие не шло по прямой линии, но, я бы сказал, колебалось, то поднимаясь, то опускаясь; ибо оно всегда должно было удерживать те импульсы, и к определенной эпохе развить особую их интенсивность, направленную против импульсов, приходящих с Запада. Возьмём иерархически-теократический импульс. Во время принятия того, что как христианство переносилось в Европу на волнах иерархически-теократического импульса, уже, начиная с 12 века, возникла оппозиция. Почитайте *Вальтера фон Фогельвейде*, великого среднеевропейского поэта: в его лице вы найдёте оппозицию по отношению к римскому папству, по отношению к романскому началу вообще. То, что позднее изживалось в *Яне Гусе*, в *Лютере*, в *Цвингли* и так далее, вы уже найдёте у *Вальтера фон Фогельвейде*. Но вы также найдёте и то, что развивало себя как внутреннее христианство, - идущее параллельно с периферийным, но в более внутренней форме, - в поэме о *Парсифале Вольфрама фон Эшенбаха*.

Так уже в начале пятой послеатлантической эпохи вы имеете оппозицию по отношению к теократическо-иерархическому романскому началу, исходящему из Испании и Италии. И этот противоположный полюс действует так, что это внутреннее начало никогда не отвергалось. Оно осталось. Однако оно было чуждо принципу власти и сформировалось как противоположный полюс.

Я не порицаю одного, и не хвалю другого; я цитирую. Мы имеем иерархически-теократический принцип; затем приходит дипломатически-политическое начало. Оно перенимается во всех своих формах, со всеми сопутствующими явлениями. Тут интересно войти в отдельные исторические подробности. Это, в сущности, неправильно, когда в исторических справочниках часто приводят, будто бы открытие пороха стало причиной современного устройства армии, в противоположность устройству армии на основе рыцарства средних веков. Существенное состоит в том, что с началом нового времени натуральное хозяйство, господствующее в течение средних веков, было заменено денежным хозяйством, что насильственно вызвало господствующую власть денег, чего не было прежде. Прежде в большей степени господствовало натуральное хозяйство. Деньги играли только вспомогательную роль. Однако, благодаря денежному хозяйству сначала сформировалась наёмная армия, которая была несовместима со всем старым, приспособленным к натуральному хозяйству средневековья устройством армии на основе рыцарства. Это более современное устройство армии пришло из Швейцарии. Швейцарцы были первыми, кто стали (наёмными) солдатами в современном смысле пятой послеатлантической эпохи. Вы можете проследить историю: именно вследствие того, что швейцарцы стали усердными солдатами, они пользовались большим успехом, когда им пришлось сражаться, чтобы более поздня Швейцария могла справиться с наступлением рыцарства. Это я, в сущности, говорю швейцарцам. В сущности, швейцарцы были первыми, кто на военном уровне победил рыцарство. Говоря о преодолении рыцарства, надо искать это преодоление рыцарства в Швейцарии. Ибо, как рыцарство было преодолено там посредством устройства армии из солдат пехотинцев, так и во всей остальной Европе учились исключительно у швейцарцев. Изучайте историю, и вы найдёте тому подтверждение.

Продолжим рассмотрение дальнейшего развития вплоть до Наполеона. В чём заключалось превосходство наполеоновских солдат и армии по отношению к среднеевропейским армиям? В том, что, в сущности, Средняя Европа даже ко времени Наполеона ещё работала, - конечно, не со швейцарскими солдатами, - но по принципу швейцарского солдатства, в то время как Наполеон уже командовал настоящей народной армией, сформированной из французского народа. Это можно оценить по достоинству, если как следует исследовать битвы между среднеевропейцами и Наполеоном. Полководцы армий Средней Европы, ох!, как приходилось им своих солдат-наёмников, которыми они, в сущности, были, водить на верёвочке вплоть до квартиры! Для них никогда не было возможно стратегически развёртывать дальние рубежи. - Наполеон был во французской армии первым, кто мог развёртывать дальние рубежи, поскольку он имел народную армию, армию, рождённую из тела народа. Ему не нужно было заботиться о том, - когда он распределял состав своих войск в

соответствие с о стратегической необходимостью, - что его люди бесконтрольно побегут оттуда. Прусский военачальник, например, участвуя в знаменитых походах Фридриха Великого, был должен постоянно опасаться того, что его подразделение, которое он куда-либо послал, в ближайший момент дезертирует, поскольку это была не народная армия, но люди, собранные отовсюду, которые порой дрались друг с другом; они были из самых разных, порой враждебных друг другу областей. Открытие народной армии было сделано во Франции, и это привело к тому, что в Средней Европе, начиная с Пруссии, тоже были созданы народные армии, совершенно по французскому образцу; и только благодаря этому средневропейская народная армия стала чем-то принявшим французский характер.

Так мы сами видим в этой области, как ведется параллельная работа с периферией. Само собой разумеется, противостояние состоит в том, что ведется война, если речь идёт о вооруженных силах. Но для нас это не самое главное, нет, мы должны проследить эту противоположность в другой области.

Итак, мы видели, что вследствие всего, что увенчалось реформацией, иерархически-теократическое романское начало получило оппозицию в Средней Европе. Дипломатически-политический характер приживался в Средней Европе до времени Фридриха Великого, до 18 столетия. Лессингу пришлось думать, а не написать ли своего «Лаокоона» на французском языке. Прочтите эпистолярную литературу 18 столетия; в Средней Европе люди умели хорошо писать на французском, а на немецком - плохо. Французское начало затопило Среднюю Европу. Можно сказать, что только ко времени Лессинга в отношении к французско-дипломатическому началу, по другую сторону, - благодаря Лессингу, Гердеру, Гёте и тому, что следовало затем, - произошло то же самое, что когда-то произошло на юге вследствие реформации. Здесь средневропейская литература в лице *Гёте*, *Шиллера*, *Гердера*, *Лессинга* эмансипировалась от Запада, подобно тому, как во время реформации средневропейское христианство эмансипировалось от южного. Но одновременно с этим процессом отделения рука об руку происходил процесс соединения. Лессинг в своей юности ещё много писал по-французски. Вся философия Лейбница, не написанная по-латыни, написана по-французски, а не по-немецки. В этих двух областях происходила совместная работа, хотя она в то же самое время носила оппозиционный характер. Эти вещи мы вполне можем обозначить как: южное начало - средневропейское начало: оппозиция; западное начало - средневропейское начало: оппозиция.

Но существует также и третье, что всплывает: это британское начало. Сначала имел место известный параллелизм, как это особенно выразилось в том, что великий Шекспир начиная с 18 и в течение 19 столетия стал полностью немецким поэтом, то есть тут он целиком и полностью принимается. Его не только переводят, но он полностью ассимилируется, живёт в немецкой духовной жизни. По легко понятным причинам я не хочу говорить, что он сегодня живёт и дальше в немецкой духовной жизни в большей степени, нежели в британской духовной жизни. Но надо всё же увидеть всё развитие; от *Элиаса Шлегеля*, который делал первые переводы Шекспира, до утончённой проникновенности духом Шекспира у Лессинга, до энтузиазма

немецких натуралистов и Гёте по отношению к Шекспиру, далее к отличным, нельзя даже сказать переводам, но немецкой ассимиляции Шекспира благодаря *Шлегелю и Тику*, и далее, до наших дней. В немецком народе Шекспир живёт. И когда сам я приехал в Вену и наряду с моими естественнонаучными занятиями слушал лекции о литературе, то первой, услышанной мною лекцией, была лекция Шрёдера, который тогда сказал, что хочет говорить о трёх самых значительных немецких поэтах: о Шиллере, о Гёте, и о Шекспире! Само собой разумеется, это не является похищением Шекспира, относительно которого неуместна претензия на то, что он немец. Однако этот пример показывает, что это стояние в оппозиции было в то же время и абсолютным сотрудничеством. Таким было оно в отношении французского дипломатически-политического начала, таким оно было и в отношении британского начала. Но, в то же время, должен был существовать и противоположный полюс. Третий член в Средней Европе ещё не сформирован. То, что привело к Реформации - есть первое; оно противостоит южному иерархическому началу. Западному началу противостоит то, что увенчалось «Фаустом» Гёте. На что мы надеемся в Европе, так это на формирование духовнонаучного элемента. И в этом отношении существует острейшая оппозиция между Средней Европой и британскими областями; оппозиция, которая гораздо острее, нежели та, которая имела место в Лессинге, Гёте и их последователях по отношению к французскому дипломатическому началу. И в этом отношении всё, что разыгралось между нами и сторонниками А.Безант, и так далее, было всего лишь прелюдией. Такие вещи следует рассматривать с очень высоких, крупных, широких точек зрения.

Я думаю, что вы знаете меня достаточно хорошо, чтобы не верить, будто я говорю из мелкого тщеславия, когда я говорю то, или иное. Однако я полагаю, что существует большое противоречие между тем, что работает с материальными экспериментами и тому подобным, даже чтобы доказать наличие спиритуального, и тем, что хочет возвыситься до спиритуального из импульсов человеческой души. Такие вещи могут не становиться столь brutальными, когда из *Алкиноя* делают материального Христа, они могут оставаться на уровне тонких сообщений, как в случае Оливера Лоджа; но при этом человек чувствует нечто от того, что должно быть. Не знаю, но это не повредит, если сказать об этих вещах: есть известное противоречие между тем, что возникло почти одновременно, когда с одной стороны материалистическим образом сэра Оливер Лодж указал на духовный мир, тогда как с другой стороны я написал мою книгу «О загадке человека», где была предпринята попытка среднеевропейским образом указать пути, которые именно в Средней Европе, исходя из человеческой души, вводят в духовный мир. Нет противоречия большего, нежели книга Оливера Лоджа и эта книга «О загадке человека». Они являются абсолютно взаимно противоположными полюсами, так, что более абсолютного противоречия и представить себе нельзя.

Будучи столь ясно дифференцированными, как изображаются эти вещи, они выступили более или менее с начала пятнадцатого послеатлантического периода. Так как до этого эти вещи во многих отношениях были другими. Прежде свою власть вплоть до Англии

простирается романская универсальная Империя, а острая дифференциация между Францией и Англией появилась, в сущности, вследствие выступления Орлеанской Девы; затем к этому примкнуло всё то, что могло произойти в рамках этой дифференциации. Достоин внимания то, что уже в пределах этих самих рамок, всплыло сознание, импульс к созданию связи с противоположным полюсом. Ибо мы видим, - я уже часто говорил об этом, - мы видим как чисто британский философ *Френсис Бэкон Верулемский*, основатель материалистического мышления нового времени, - как я это характеризовал вам, - инспирируется из того же самого источника, как и Шекспир, который затем сильнейшим образом воздействовал на Среднюю Европу, о чём я сообщал. Из того же самого источника инспирируется и *Якоб Бёме*, который насадил всю эту инспирацию в среднеевропейскую душевную субстанцию; из того же самого источника инспирируется южнонемецкий иезуит *Якоб Бальде*. Вы видите: под поверхностью того, что происходит на физическом плане, правит то, что вызывает гармонизацию. Только надо мыслить все эти вещи действительно дифференцированными, подразделенными, а не давать этим вещам исчезнуть в неопределенном сумбуре, путанице. Один из величайших, гигантских мыслителей британского государства сам стоит рядом с той оппозицией по отношению к чисто коммерческому началу в рамках британской коммерции: это *Иаков I*. Иаков I внёс новый элемент, причём настолько, насколько ему удалось привить британской народной субстанции то, - и привить надолго, ибо британская народная субстанция всегда этим обладает, - привить то, что она не смеет утратить, если ей не суждено полностью раствориться в материализме. Однако то, что он тут привил, по подземным каналам связано со всей остальной европейской культурой. Тут мы стоим перед значительной мистерией.

Если вы примете к сведению те вещи, которые я вам сообщаю сейчас, вы будете говорить: справедливым, правомерным нельзя назвать ни то, ни другое; надо просто понимать эти вещи во всей их необходимости. - Но надо уяснить себе то, что эти вещи действительно должны просматриваться. Было бы легко бросить вопрос: что можно сделать самому в это исполненное страданиями время? Первое, что можно сделать, - это попытаться понять эти вещи, увидеть их насквозь. Тогда появляются мысли, явятся и силы, которые будут действовать. Если спросить: разве добрые силы не имеют власти, если уж, в сущности, плохие силы так проявляют себя? - Тут следует подумать также и о том, какие трудности проистекают сегодня из свободы человека в деле реализации спиритуальности на огненных волнах материальной жизни. Вот о чём идёт речь. Должно ли человечество с легкостью придти к спиритуальной жизни?

Более поздние времена, оглядываясь на наше сегодняшнее время, скажут: сколь вялы, небрежны были эти люди по отношению к усвоению спиритуальной жизни! Духи посылают её нам вниз; но люди противятся ей. И наряду со всем трагическим и исполненным страдания, что правит в современности, это правящее начало является также судьбой, которая означает испытание. Именно как испытание надо, прежде всего, понимать и признавать все эти вещи. Позднее выявится, насколько это будет возможно, что, так называемые виноватые, страдают вместе с невинными; ибо по ходу кармы всё это

будет выравнено, компенсировано. Не надо говорить: разве добрые духи не вмешаются? – Они вмешиваются в той степени, в какой мы им открываемся, если имеем мужество открыться им. Но сначала мы должны принять эти вещи с полной серьезностью, с совершенно полной серьезностью и пониманием.

К этому пониманию относится и то, что некоторое число людей должно приложить силы, чтобы всем своим личным элементом действительно противостоять этим огненным волнам материализма. Ибо материализм, изживающийся в коммерческо-индустриальном импульсе свяжет себя с тем, что из других отставших импульсов, из китайско-японского, особенно из японского элемента всё больше и больше приходит в материализм.

Вчера здесь спрашивали о том, не думают ли те братства, которые с Запада работают ради одной группы, что с Востока будут подтягиваться, переселяться японцы? Да, те люди, которые принадлежат таким обществам, не рассматривают это как нечто плохое, но рассматривают это как поддержку материализма. Ибо то, что приходит сюда из Азии, будет представлять собой особую форму материализма. В любом случае, должно быть ясно, что надо все силы противопоставить материалистическим волнам. Это может каждый человек. Плоды стремлений будут появляться. Нет надобности в том, чтобы называть то, что должно противостоять материализму. Не называйте его «среднеевропейским началом», не называйте его «немецким», в этом нет необходимости; но взвесьте, примите во внимание противоречивую игру сил, как она вам может быть объективно показана.

В двух фразах можно обобщить то, что необходимо, чтобы работать против материализма, который, впрочем, имеет своё оправдание. В пятую послеатлантическую эпоху мир в будущем в ещё большей степени будет насаждён коммерческим и индустриальным началом; но противоположный полюс, противопололюс должен иметь место: должны найтись люди, которые вследствие понимания работают на противоположной стороне. Ибо, чего хотят эти оккультные братства? Эти оккультные братства работают не из особого британского патриотизма, но хотят, в конце концов, поставить всю Землю под господство исключительного материализма. И поскольку, в соответствии с законами пятой послеатлантической эпохи, некоторый элемент британского народа наиболее сильно предопределен быть носителем души сознательной, - они, эти оккультные братства посредством серой магии хотят привести к тому, чтобы использовать этот подходящий элемент в качестве покровителя и двигателя материализма. Вот в чём тут дело. Если знают, какие импульсы играют роль в мировых событиях, то могут и направлять их. Другие составные части народа никогда не позволят использовать себя в качестве подобного материала для превращения всей Земли в материалистическую область, ни один другой народ, ни одна составная часть народа. Вот почему надо подчинить, «загнуть пятки к затылку» этим составным частям народа, лишить их всех спиритуальных стремлений, которые естественным образом живут в каждом человеке, живут именно в каждом человеке. Но поскольку карма такова, что здесь особенно действует душа сознательная, эти оккультные братства выискивают элементы именно британского народного характера. И

вслед за этим они посылают через мир волны материализма, чтобы совершенно завладеть всем физическим планом. И даже о духовном мире хотят говорить только так, как будто он является откровением физического плана.

Этому могут противостоять стремления тех, кто понимает необходимость спиритуальности на Земле. И если вы рассмотрите с этой точки зрения то, что противостоит здесь, то сможете резюмировать это в двух фразах. Одно выражение вам хорошо известно, хотя оно ещё не полностью говорит из сердца и из души человека: «Царство Моё не от мира сего». Вопреки ему, должно звучать то царство, которое должно быть распространено на физическом плане, и которое должно быть лишь «от сего мира»; вопреки коммерческому и индустриальному материализму должно постоянно звучать слово: «Царство Моё не от мира сего». Сегодня уже нет времени для того, чтобы объяснить вам, насколько правильная оценка слов «Царство Моё не от мира сего», связано с заботой об общечеловеческом; не немецком, а именно об общечеловеческом. Индусы различали четыре касты, четыре сословия различали древние греки, одно за другим возникали они в ходе второй, третьей, четвертой послеатлантических эпох; в пятую послеатлантическую эпоху должно проявиться четвертое состояние, - общая жизнь, общечеловеческое. Не то, чтобы все могли стать священниками, но священство может стремиться к власти, к господству. Мы видим это в третьей послеатлантическую эпоху, мы видим это, оживающим в иерархическо-теократических силах. Вторую касту, королевское начало в греко-романском элементе, мы видим изживающемся снова во втором послеатлантическом элементе, когда дипломатическо-политическое начало становится особенно действенным; ибо республиканское начало во Франции есть всего лишь противополож, поскольку все создаёт свой противополож. Собственному французскому государственному характеру соответствует только монархический принцип, поэтому то, что здесь звучат о республике, есть только слова; в действительности же здесь господствует король, который случайно оказался адвокатом, проводившим ранее румынские процессы. Но дело не в словах, а в делах. Именно поэтому худшее в наше время состоит в том, что позволяют так легко опьянить, одурманить себя словами. Если кого-то называют президентом, то он только от этого не становится президентом: дело в том, как складываются реальные отношения.

Третье состояние, третье сословие известно как промышленный, коммерческий элемент в (Древнем) Египте и в Древней Греции. Он снова поднимается в Британской Империи, и ещё должен царить над четвертым элементом, который представляет собой общечеловеческое. Интересно наблюдать его в отдельных проявлениях. Надо достичь действительного видения этих отношений, если хотят понять мир. Было бы курьёзом спрашивать себя: откуда в наиболее остром, радикальнейшем смысле должны появляться социалистические теории? - Немецкие социалисты вполне соответствуют принципу, характеризованному мною: немцы всегда имеют миссию вырабатывать понятия в чистом виде. Так сами немцы выработали для социализма понятия в чистом виде, только вот, подходят эти немецкие социалистические идеи к немецким отношениям, как кулак подходит к глазу. В немецких социальных отношениях ничего не согласуется,

ничего не подходит к немецкой социалистической теории! Вот почему вполне понятно, что после того как я некоторое время проработал в одной социалистической школе, я, в конце концов был изгнан из неё, поскольку говорил, что в смысле социализма должно быть заложено - развивать учение о свободе. - Со стороны вождей социал-демократии мне тогда возразили: дело не в свободе, а в разумном принуждении! - Социалистическая теория не подходит к социальным отношениям, а это означает, что социальная теория хочет развиваться на основе эволюции человечества. Отсюда она развивает три своих больших принципа: во-первых, принцип материалистического понимания истории, во-вторых, принцип прибавочной стоимости, и, в-третьих, - принцип классовой борьбы. Все три теории тонко разработаны, но к немецким отношениям они не подходят, но напротив удивительно подходят к британским. Тут всё изучено, тут был и *Маркс*, тут был и *Энгельс*, тут был и *Бернштейн*. Отсюда они возникли, к этому они приспособились, исходя отсюда они, - возьмём третий принцип, - основывались на теории классовой борьбы. Последняя, однако, правит, в сущности, в британской душе, - вспомните о Кромвеле. И если изучить всё, что правило со времен Кромвеля в британской душе, изучить в соответствие с её импульсами, то получится материал для третьего принципа, для классовой борьбы. После изобретения ткацких машин и введения той социальной жизни, которая пришла из-за этих ткацких машин, в Британской Империи правит то, что выразилось в теории прибавочной стоимости. А материалистическое понимание истории есть, в сущности, ни что иное, как педантично переведенное на немецкий язык понимание истории по *Букле*, например, по сочинению *Букле «История цивилизации»*. (*точнее «История цивилизации в Англии» - примеч. перев.*) Она представлена так, как обстояли дела в британской культуре, в соответствии с основным положением - никогда не делать выводы. Дарвин тоже не делал выводов, но некоторым образом ограничивал себя; тогда как дело это было круто и бесповоротно, - если хотите, с немецким педантизмом, - переоформлено в материалистическое понимание истории, исторический материализм у Карла Маркса. Интересно то, что для того общечеловеческого начала, которое интерпретируется как четвертая каста или класс, которое больше не может стремиться к господству - ибо под ним внизу нет больше никого, кем можно править, но можно лишь основывать отношения от человека к человеку, - для него так и не было создано никакой теории. Она придёт только тогда, если в её основу будет заложено то общечеловеческое начало, которое даётся в антропософски ориентированной духовной науке.

Это, не будучи понято неправильно, ведёт тогда ко второму высказыванию, которое подходит к словам «Царство моё не от мира сего»; это другое, второе предложение звучит так: «Воздавайте кесарю кесарево, а Богу - богово». Это, однако, означает: к настоящему пониманию жизни и построению жизни можно придти только тогда, если осознать, что надо заботиться о спиритуальном элементе, поскольку духовный мир должен вмещаться в физический. - Сказать можно всё, что угодно. Дело в том, будет ли это понято всем сердцем и всей душой. Должны быть поняты слова: «Воздавайте кесарю кесарево, а Богу - богово» и «Царство Моё не от мира сего». Тогда придёт атмосфера духовности, которой нет дела до всего материалистического,

которое должно развиваться на Земле именно в пятую послееатлантическую эпоху. Но для этого необходимо видеть эти вещи в их истине.

Здесь мне хотелось бы обобщить эти рассуждения: пусть ваше сердце стремится увидеть эти вещи в их истинном свете. Только если найдутся сердца, которые увидят эти вещи в их истине, сердца, которые смогут пронизать взором страшный туман неправдивости, который теперь разливается по всему миру, мы пойдём дальше правильным образом. Я говорил: так как лук натянут до предела, он порвётся. И является ли тот документ, который отважились передать миру, и то, что сказано в конце этого документа, перспективой для поворота к лучшему? Могут придти даже худшие времена, но этот документ является вызовом самому духу истины, которая уже вмещивается в эти отношения! Ибо возьмите только, - позвольте сказать мне это в заключение, - те образцовые, - я мог бы также сказать бывшие образцовыми, - форму и образ нашего собственного поведения.

Мы на протяжении лет стремились быть космополитами, насколько это только можно. Мы пытались мучительным образом сохранить древненемецкую тенденцию к космополитизму. Что это дало? Прочтите, какая клевета о нас исходит от Британии; вся она со стороны тамошних теософов создаёт вид, как будто мы имели какие-либо честолюбивые германские стремления. Мы не предъявляли тех претензий, которые хотят нам приписать, подсунуть с той стороны. - Даже тот, на которого мы так полагались во Франции, Эдуард Шюре, по отношению к которому мы никогда поддавались искушению реализовать что-либо особо германское, поскольку он сам, в сущности, является носителем, переносчиком немецкой духовной жизни во Францию, - даже он интерпретировал как «пангерманское», «пангерманистское» то у нас, что не имеет ни черточки национального. - Это стало курьёзом, когда мы недавно раскрыли лексикон «Эдуард Шюре» и нашли там: «Посредник немецкой духовной культуры во Франции». Это вполне верно, ибо Шюре, в сущности, только говорит по-французски. Но поэтому человек может находить всё французским, если это «всё» он видит только в речи, в языке. - Итак, человек является «пангерманистом», если не говорит о немцах, как хотел бы этого французский шовинист Шюре, человек - немецкий агент, если он не говорит о немцах так, как этого хочет миссис Безант. Похожие явления видим мы даже в Италии, которые там набирают силу у наших бывших друзей.

Да, была необходимость защититься от этого. Но теперь появилась снова прекрасная возможность указать на нас и сказать: смотрите, как они атакуют, тут-то и видно, кто является агрессором! - Таковы, в конце концов, методы *Вольрата*, таковы методы *Гёша*. Эти методы мы видим всюду, мы узнаём о них из наших рядов. Сначала кого-то принуждают защищаться, а затем обращаются с ним как с агрессором. Это необычно эффективное средство, средство, которое теперь играет очень сильную роль в мире. Сам агрессор скрывается за шумом, криком, который он сам и поднимает, после того как он поставил другого в такое положение, когда надо защищать себя, но именно другого он клеймит как агрессора.

Однако не надо совершать ничего иного, как только служить миссии, состоящей в том, чтобы пробуждать спиритуальную жизнь,

придавать цену спиритуальной жизни. Это с одной стороны связано с основным положением: «Царство Моё не от мира сего», а с другой стороны с основным положением: «Воздавайте кесарю кесарево, а Богу - богово». И то, и другое являются, как вы знаете добрым христианством. Но пройдёт ещё много времени, пока такие вещи будут поняты вплоть до отдельных подробностей. Теперь всё снова многократно попадают странные слова; позвольте мне сказать об этом напоследок. Говорят: Антанта назвала свои военные цели, но ведь и Средняя Европа тоже должна назвать свои военные цели, чтобы играть на равных. - Вообще, этот крик о среднеевропейских военных целях слышится с некоторого времени. Ну, военные цели Антанты мы с вами уже немного обсуждали. Но почему Средняя Европа должна назвать свои военные цели? Их просто никогда не было! Их нет! Поэтому, как само собой разумеющееся, появляется следующая позиция: мы будем вести переговоры, причём охотно, однако, должно выясниться, чего же вы, собственно хотите, тогда и будем говорить. Однако с нашей стороны исходит следующее: мы не должны говорить ничего особенного, мы просто хотим жить. - Конечно, на это могут ответить так: вы не выдаёте своих военных целей, наверно, за этим скрывается что-то особенное. - Ничего за этим не скрывается. Средняя Европа не желает ничего иного, как только того, чего она желала в 1912 и 1913годах. Тогда не было никаких военных целей, как нет их и сейчас. Дело не в том, что нечто говорят, а в том, соответствует ли сказанное действительности. Сегодня особенно крепкие глотки со всех сторон кричат о том, что за рождественским призывом к миру со стороны среднеевропейских сил скрывается какой-то лукавый, хитроумный финт. Какое-то лукавство, какое-то намерение одурачить другого, заложено, якобы, в этом рождественском призыве к миру. Со многих сторон утверждают, что, мол, мира они не хотят, а лишь разыскивают какое-либо хитроумное средство, для того, чтобы смочь снова вести войну. Если бы только вдумались в это! Если бы только вдумались в этот призыв к миру, тогда могли бы увидеть, представляет ли собой этот призыв какой-то финт. Таково настоящее мышление, а не то, которое держится на одной фразеологии. Победить фразу, фразеологию, всеми силами нашей души, это и есть то, что должно произойти, мои дорогие друзья; это и будет ближайшим из того, что мы должны будем внести в наши собственные души.